ЛИТОВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

Годъ двадцать четвертый. | ВЫХОДЯТЪ по ВОСКРЕСЕНЬЯМЪ. | 14-го Апрѣля 1885 года.

Подписная цѣна съ пересылкою за годъ 5 руб. Отдѣльные №№ Литов. Еп. Вѣд. за прошедшіе годы и за настоящій 1885 г. по 10 к. (марками). Подписка принимается въ г. Вильнѣ, въ Редакціи Литовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей.

№ 15.

При печатаніи объявленій, за каждую строку или мѣсто строки взимается:
за одинъ разъ 10 коп.
за два раза 15 „
за три раза 20 „

Дѣйствія Правительства.

— Государь Императоръ, 30-го марта сего года, Высочайше соизволилъ утвердить всеподданнѣйшій докладъ Святѣйшаго Синода о бытіи ректору литовской духовной семинаріи архимандриту *Анастасію* епископомъ брестскимъ, вторымъ викаріемъ литовской епархіи, съ тѣмъ, чтобы нареченіе и посвященіе его въ епископскій санъ произведено было въ С.-Петербургѣ.

— **Высочайшія награды.** Въ 24 день марта Государь Императоръ Всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать за службу по духовному вѣдомству, по Литовской епархіи, 1) ордена *св. Анны 2-й ст.* настоятелю Ковенскаго Александро-Невскаго собора протоіерею *Владиміру Попову* и св. *Анны 3 степени* настоятелю Супрасльскаго монастыря и благочинному монастырей архимандриту *Николаю.*

Мѣстныя Распоряженія.

— 13 апрѣля, на вакантное мѣсто священника къ Чижевской церкви, Бѣльскаго уѣзда, перемѣщенъ священникъ Песковской церкви, Волковыскаго уѣзда, *Лукіанъ Сосновскій.*

— 4 апрѣля, утверждены въ **должности церковныхъ старостъ** выбранные: 1) къ Порплищской церкви, Вилейскаго уѣзда, крест. дер. Володекъ *Семенъ Степановъ Полянинъ*; 2) Цѣхановецкой, Бѣльскаго уѣзда, мѣщанинъ м. Цѣхановка *Станиславъ Андреевъ Герасимовичъ.*

— 10 апрѣля,—выбранные къ церквамъ: 1) Чемерской, Брестскаго уѣзда, крест. дер. Подрѣчанъ *Василій Филиповъ Козловскій*; 2) Оранчицкой, Пружанскаго уѣзда, крест. *Ѳедоръ Венедиктовъ Скалюкъ*; 3) Рудницкой, того же уѣзда, крест. дер. Рожковичъ *Иванъ Лукинъ Савчукъ*; 4) Смоляницкой, того же уѣзда, крест. с. Смоляницы *Тарасій Андреевъ Тихановичъ*; 5) Замшанской, Брестскаго уѣзда, крест. с. Замшанъ *Емельянъ Яковлевъ Коробейко.*

Мѣстныя Извѣстія.

— 11-го апрѣля, **выбылъ изъ Вильны къ мѣсту назначенія** Преосвященный *Аврамій*, епископъ Тобольскій и Сибирскій, б. епископъ Брестскій, викарій Литовской епархіи. На вокзалъ провожали Его Преосвященство, члены и секретарь Консисторіи и намѣстникъ св.-Духова монастыря.

— **Ревизія церквей.** 5 апрѣля Его Высокопреосвященствомъ предложено Преосвященному Сергію, епископу Ковенскому, въ текущемъ году осмотрѣть церкви *Вилейскаго* уѣзда.

— 7 апрѣля, **рукоположенъ** во священника къ Лысковской церкви, Волковыскаго уѣзда, діаконъ *Іоаннъ Дешковскій.*

— **Пожертвованія.** Въ Гнѣздиловскую церковь, Вилейскаго уѣзда, отъ Ал. Тих. Лѣсникова поступили: 1) бронзовый трисвѣчникъ, 2) блюдо, 3) ковшикъ мѣдный вызолоченный, 4) кропило, 5) коверъ къ престолу, 6) шелковый платокъ и 7) парчи 10 аршинъ, всего на сумму, по оцѣнкѣ посылки, 25 р.

— Въ Княгининскую церковь, Вилейскаго уѣзда, ея превосходительствомъ О. А. Голубиновою пожертвованы: 1) кретоновое облаченіе на престолъ съ шелковой пеленой; 2) шерстяная пелена на аналой; 3) шелковая епитрахиль; 4) атласные воздухи и 5) коврикъ къ престолу вышитый гарусомъ.

— Къ празднику 6 апрѣля добрые люди вручили настоятелю Видзской ц. 5 р. на выписку ста экземпл. житія св. братьевъ Меѳодія и Кирилла, для раздачи ихъ въ церкви въ день праздника. Жена нотаріуса Вѣра Ивановна Дорожаевская пожертвовала богатую пелену на аналой подъ образъ св. братьевъ, вышитую шелкомъ въ разные цвѣты весьма искусно; надъ нею г-жа Дорожаевская трудилась цѣлую св. четыредесятницу. Еще она принесла въ даръ нашей церкви замѣчательное облаченіе на престолъ; на переднемъ полотнищѣ этого облаченія вышитъ шелкомъ крестъ въ вѣнкѣ изъ цвѣтовъ на голубой шелковой матеріи, окаймленный широкою рамкою изъ вышитыхъ розъ и производитъ на зрителей весьма пріятное впечатлѣніе.

— Потомственный почетный гражданинъ Афанасій Ѳеодоровичъ Мухинъ, пожертвовалъ въ сгорѣвшую въ прошлое лѣто, Кревскую св.-Троицкую церковь довольно цѣнное Евангеліе.

— Директоръ Молодечненской учительской семинаріи А. Л. Крыловъ подарилъ для безмездной раздачи прихожанамъ Носиловской церкви ко дню 6 апрѣля 105 экз. брошюры „Жизнеописаніе свв. славянскихъ апостоловъ Кирилла и Меѳодія“.

— Рижскою купчихою А. Я. Камариною пожертвованы въ Сурдекскій монастырь воздухи изъ бѣло-голубого атласа съ нашивными цвѣтами, въ 50 р.

(Къ свѣдѣнію).

Отъ правленія Виленскаго духовнаго училища. Вслѣдствіе резолюціи Его Высокопреосвященства, отъ 5-го апрѣля сего года, за № 76, положенной на представленіи училищнаго правленія, отъ 2 апрѣля, за № 430, симъ предлагается духовенству училищнаго округа, согласно съ опред. Св. Синода 20 января (17 февраля) и 23 апрѣля (7 мая) 1871 г., 6—30 іюля и 16—20 ноября 1877 г. и съ примѣч. къ § 96 училищ. устава, представлять дѣтей въ училище изъ отпуска непремѣнно въ назначенный срокъ, равнымъ образомъ въ точности исполнять требованія о представленіи свидѣтельствъ о бытіи дѣтей у исповѣди и причащеніи св. таинъ въ послѣднюю недѣлю св. четыредесятницы, а также надлежащихъ посвидѣтельствованій о поведеніи дѣтей во время отпуска и о времени отправленія ихъ изъ дому въ училище.

— **Некрологи.** 6 апрѣля, скончался настоятель Брянской церкви, Бѣльскаго уѣзда, *Игнатій Морозъ*, на 51 году жизни и 30-мъ священства, оставивъ жену съ малолѣтними дѣтьми въ крайней бѣдности; въ его же семьѣ проживалъ и проживаетъ отецъ его заштатный священникъ, 80 лѣтній немощный старецъ,—уже болѣе 32 лѣтъ тому назадъ потерявшій совсѣмъ зрѣніе.

— 30 марта, скончался заштатный священникъ Охоновской церкви, Слонимскаго уѣзда, *Іоаннъ Харлампович*ъ.

— **Вакансіи.—Настоятеля:** въ г. *Соколкѣ*, въ м. *Индурѣ*—Гродненскаго уѣзда, въ с. *Пескахъ*—Воковыс. уѣзда, въ с. *Камень-Шляхетскомъ*—Кобринскаго уѣзда, въ с. *Гвозницѣ*—Брестскаго уѣзда, въ с. *Радивонишкахъ*—Лидскаго у. **Помощника:** въ м. *Батуринѣ*—Хотѣнчицкой церкви—Вилейскаго уѣзда, въ с. *Голомыслѣ*—Дисненскаго уѣзда. **Псаломщика:** въ с. *Снитовѣ*—Кобринскаго у., въ м. *Хорощѣ*—Бѣльскаго уѣзда, при Ковенскомъ соборѣ, въ м. *Биржахъ*—Поневѣжск. уѣзда, въ с. *Цуденишкахъ*—Виленскаго уѣзда, въ м. *Лысковѣ*—Волковыс. уѣзда и въ м. *Заблудовѣ*—Бѣлостокск. уѣзда.

Неоффиціальный Отдѣлъ.

По поводу журнальной лжи.

Покорнѣйше прошу Редакцію напечатать въ Литовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ нижеслѣдующее сообщеніе, какъ протестъ противъ лживаго и возмутительнаго, по своей безцеремонности, отзыва о преосвященномъ Игнатіѣ, бывшемъ епископѣ Брестскомъ и первомъ викаріи Литовской епархіи.

Въ Историческомъ Вѣстникѣ за 1884 годъ, сентябрь, стр. 599—602, въ записной книжкѣ г. П. Мартьянова занесено, будто преосвященный Игнатій „*отличался индиферентизмомъ къ интересамъ русскаго населенія, былъ богатъ, любилъ пожить и поѣсть, а послушники его частенько прибирали кредитные билеты, которые онъ разсовывалъ по столамъ и ящикамъ и забывалъ, былъ грубъ въ обращеніи, отличался крикливымъ голосомъ* и просителей съ крикомъ и стукомъ выгонялъ вонъ, а въ одномъ случаѣ велѣлъ даже послушникамъ спустить просителя съ лѣстницы. И все это сказано о человѣкѣ, всей душой преданномъ дѣлу православія въ здѣшнемъ краѣ, усердномъ ходатаѣ и заступникѣ за всѣхъ обращавшихся къ нему, человѣкѣ кроткомъ, привѣтливомъ, никогда не возвышавшемъ голоса, истинномъ безсребренникѣ и крайне неприхотливомъ въ столѣ, одеждѣ и привычкахъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ Гродненской губерніи еще многіе помнятъ преосвященнаго Игнатія и не откажутся присоединить свой протестъ противъ такого недостойнаго отзыва объ одномъ изъ достойнѣйшихъ русскихъ дѣятелей въ С.-Западномъ краѣ. Тогда можно будетъ послать опроверженіе этой крайне неприличной выходки или въ одну изъ болѣе распространенныхъ газетъ или же въ редакцію Историческаго Вѣстника.

А. Кургановичъ.

Г. Поневѣжъ, 11 апрѣля.

Празднованіе тысячелѣтія со дня блаженной кончины просвѣтителя Славянъ св. Меѳодія въ Вильнѣ 6—7 апрѣля.

30 лѣтъ намъ знакома Вильна; много мы видѣли и пережили торжественныхъ событій въ оной, но ни одно изъ нихъ не произвело на насъ такого впечатлѣнія и не оставило такого глубокаго слѣда, какъ торжество 6-го апрѣля. Чувствовалось вѣяніе какого то особеннаго духа, чуялось наступленіе момента въ исторіи, который долженъ оттѣнить собою наше будущее! Рѣдкія и великія минуты въ исторической жизни, полныя смысла и жизни! И благо обществу и руководителямъ онаго, если этотъ смыслъ жизни угадывается и безтрепетною и умѣлою рукою осуществляется самимъ дѣломъ.

Уже и телеграфъ и печать сообщили, что праздникъ 6-го апрѣля своимъ торжественнымъ величіемъ, высокимъ выраженіемъ всенароднаго славянскаго самосознанія, открытымъ и нелицемѣрнымъ признаніемъ величайшихъ заслугъ свв. Братьевъ Просвѣтителей, доброю памятью о недожившихъ до этого дня труженикахъ славянскаго слова, духа и вѣры, полными надеждами на свѣтлое будущее славянства, всеобщимъ народнымъ воодушевленіемъ во всѣхъ земляхъ православнаго славянства, что этотъ праздникъ превзошелъ самыя смѣлыя ожиданія ревнителей славянства. Вильна не отстала отъ другихъ; наше церковное празднество привлекло на соборную площадь къ молебствію слишкомъ 15 тыс. массу народа; торжественныя и многолюдныя собранія въ храмахъ, въ стѣнахъ учебныхъ заведеній и др. общественныхъ учрежденій и то воодушевленіе, какое видѣлось въ нихъ, служили нагляднымъ выраженіемъ сочувствія къ празднеству и благоговѣнія къ виновникамъ онаго.

Еще на канунѣ, 5 апрѣля, совершены во всѣхъ церквахъ Вильны всенощныя бдѣнія при торжественной обстановкѣ. Пріятное впечатлѣніе производило присутствіе въ церквахъ значительнаго числа воспитанниковъ учебныхъ заведеній г. Вильны; въ Пречистенскомъ соборѣ ихъ было до 900 человѣкъ и можно себѣ представить, какое умилительное и ободряющее впечатлѣніе чувствовалось въ душѣ, когда всѣ воспитанники и хоръ запѣли: „Христосъ воскресе“, тропарь и величаніе свв. первоучителямъ; неотразимо чувствовалась сила этой единодушной и единоустной молитвы и понятно отсюда, въ чемъ, между прочимъ, тайна успѣха костела, гдѣ общее церковное пѣніе составляетъ необходимую принадлежность богослуженія. Во время каѳизмы было прочитано, составленное Т. И. Филипповымъ на славянскомъ языкѣ, краткое сказаніе о житіи святыхъ Кирилла и Меѳодія. Кромѣ чтенія житій въ самый праздникъ, во время причастна, сказаны были съ церковныхъ каѳедръ проповѣди, а предъ началомъ молебствія прочитано посланіе Святѣйшаго Синода.

Въ самый праздникъ съ утра весь городъ разцвѣтился флагами, которыми особенно убраны были—изящная бесѣдка, устроенная для молебствія на соборной площади, и манежъ, гдѣ происходили чтенія для народа. Погода въ этотъ день была великолѣпная и этимъ много увеличивалось торжество праздника.

Божественную литургію въ Николаевскомъ соборѣ совершалъ Высокопреосвященнѣйшій Александръ, архіепископъ Литовскій и Виленскій, въ сослуженіи съ Преосвященнымъ Сергіемъ, епископомъ Ковенскимъ. При богослуженіи присутствовали: командующій войсками виленскаго военнаго округа, генералъ-отъ-инфантеріи А. П. Никитинъ, г. генералъ-губернаторъ И. С. Кахановъ, г. попечитель учебнаго округа Н. А. Сергіевскій, всѣ высшіе военные и гражданскіе чины и множество молящихся.

На клиросѣ въ соборѣ и на площади прекрасно исполнялъ пѣніе соединенный хоръ архіерейскихъ и дворцовыхъ пѣвчихъ. Вмѣсто причастна протоіереемъ Пречистенскаго собора Іоанномъ Котовичемъ сказано слово, ниже помѣщаемое.

Въ началѣ проповѣди, по удару въ соборный колоколъ, вышли крестные ходы, первый изъ св.-Духова монастыря, который, на пути соединившись у св.-Троицкаго монастыря съ крестнымъ ходомъ послѣдняго, направился къ соборной площади сопровождаемый воспитанниками духовно-учебныхъ заведеній, 2-й гимназіи и множествомъ богомольцевъ,—а второй изъ Пречистенскаго собора, сопровождаемый воспитанниками реальнаго училища и огромною массою народа; на пути онъ соединился съ крестнымъ ходомъ изъ Николаевской приходской церкви и медленно, при пѣніи тропаря, подвигался на соборную площадь среди народной волны, залившей собою всѣ улицы и площадь, прилегающую къ собору.

По прибытіи крестныхъ ходовъ на указанное мѣсто, вышелъ крестный ходъ, по окончаніи литургіи, и изъ Николаевскаго каѳедральнаго собора, на площадь, и духовенство заняло мѣста въ особо устроенной бесѣдкѣ. На нѣкоторомъ разстояніи отъ бесѣдки, вокругъ ея, были расположены войска, участвовавшія въ церковномъ парадѣ, отъ всѣхъ частей виленскаго гарнизона. Въ пространствѣ между бесѣдкою и войсками были собраны ученики и ученицы среднихъ учебныхъ заведеній г. Вильны съ ихъ начальниками и преподавателями. О массѣ народа на площади нечего и говорить, толпа запрудила на далекое пространство не только всю площадь, но и прилегающія улицы.

Здѣсь на площади Преосвященнымъ Сергіемъ было совершено торжественное молебствіе съ канономъ святымъ равноапостольнымъ просвѣтителямъ славянъ, предъ началомъ котораго прочитано посланіе Св. Сѵнода. Концертное пѣніе „Тебѣ Бога хвалимъ“ было исполнено прекрасно и широко разносилось по площади. Молебенъ кончился возглашеніемъ многолѣтія. По входѣ крестнаго хода въ соборъ послѣдовала раздача народу жизнеописаній свв. Кирилла и Меѳодія.

Спустя полчаса послѣ богослуженія состоялся актъ въ духовной семинаріи, который почтили своимъ присутствіемъ преосвященнѣйшій Сергій и много др. лицъ, какъ служащихъ по духовному вѣдомству, такъ и частныхъ. Актъ происходилъ въ обширномъ столовомъ семинарскомъ залѣ, куда собрались воспитанницы женскаго духовнаго училища, воспитанники семинаріи и духовнаго училища; начался актъ пѣніемъ „Христосъ воскресе“, „Днесь благодать св. Духа насъ собра“ и тропаря свв. Меѳодію и Кириллу. Послѣ сего воспитанницы пропѣли гимнъ свв. Меѳодію и Кириллу соч. Главача, и затѣмъ преподаватель церковной исторіи П. И. Жуковичъ произнесъ рѣчь, которою ярко освѣтилъ время и обстоятельства дѣятельности свв. братьевъ. Продолжительность богослуженія и позднее время, въ виду предстоящаго всенощнаго бдѣнія, не дозволили о. ректору архимандриту Анастасію сказать на актѣ рѣчь объ отношеніи и значеніи дѣятельности свв. Кирилла и Меѳодія къ церковно-приходской школѣ *). Эта рѣчь была сказана 7-го числа вечеромъ, въ собраніи учениковъ семинаріи, при чемъ послѣдніе исполнили значительное число славянскихъ и народныхъ гимновъ. По окончаніи рѣчи П. Н. Жуковича былъ пропѣтъ гимнъ свв. Кириллу и Меѳодію св. Старорусскаго и въ заключеніе всѣми воспитанниками и воспитанницами—народный гимнъ.

Одновременно съ этимъ актомъ происходили акты въ др. учебныхъ заведеніяхъ и въ манежѣ для учениковъ приходскихъ и народныхъ училищъ. Послѣдній актъ удостоилъ своимъ посѣщеніемъ его высокопревосходительство генералъ-губернаторъ И. С. Кахановъ. Въ началѣ акта хоръ учениковъ пропѣлъ молитву „Христосъ воскресе“ (3 раза). Затѣмъ произнесли рѣчи: директоръ народныхъ училищъ А. Н. Поповъ и инспекторъ народныхъ училищъ г. Одинцевъ. Въ промежуткѣ между этими рѣчами и послѣ оныхъ хоръ учениковъ исполнилъ величаніе св. Кириллу и Меѳодію, гимнъ Главача и въ заключеніе народный гимнъ „Боже, Царя храни.

До начала акта всѣмъ ученикамъ были розданы жизнеописанія празднуемыхъ святыхъ. Въ рѣчи своей г. директоръ нар. уч. А. Н. Поповъ познакомилъ учениковъ въ общихъ чертахъ съ жизнію солунскихъ братьевъ, а г. Одинцовъ въ началѣ рѣчи объяснилъ, что праздникъ 6 апрѣля есть, между прочимъ, и праздникъ учениковъ, потому что св. братья изобрѣли тѣ письмена, по которымъ ученики начали учиться грамотѣ, что свѣдѣнія, какія ученики пріобрѣтаютъ въ школѣ и теперь, тоже пріобрѣтаютъ при помощи письменъ, изобрѣтенныхъ солунскими братьями.

Обѣ рѣчи были изложены языкомъ вполнѣ понятнымъ для учениковъ.

Гимны и молитвы пѣли всѣ присутствовавшіе ученики и ученицы. Общимъ этимъ хоромъ управляли 5 регентовъ, Хотя въ пѣніи участвовали дѣти изъ разныхъ заведеній, но тѣмъ не менѣе, оно было очень стройное.

Въ 3½ часа начался актъ въ зданіи 1-й виленской гимназіи для воспитанниковъ среднихъ учебныхъ заведеній старшихъ классовъ. Для младшихъ классовъ актъ былъ въ часъ въ томъ же зданіи гимназіи, послѣ божественной литургіи. На актѣ присутствовалъ г. попечитель учебнаго округа Н. А. Сергіевскій, его помощникъ и мн. другихъ лицъ.

Въ началѣ хоръ учениковъ исполнилъ молитву „Христосъ воскресе“ и величаніе свв. первоучителямъ славянъ; затѣмъ произнесли рѣчи преподаватели: С. В. Шолковичъ, отчетливо изложившій жизнь свв. братьевъ и значеніе дѣятельности ихъ для славянства и литературы, В. Н. Рудневъ, представившій очеркъ состоянія славянской литературы въ Болгаріи послѣ смерти св. Меѳодія, подъ вліяніемъ его учениковъ и Ф. Н. Добрянскій, который очертилъ общее состояніе умственнаго развитія народовъ, населявшихъ Европу во времена дѣятельности свв. солунскихъ братьевъ, а затѣмъ развилъ мысль о преимуществѣ, какое солунскіе братья, чрезъ изобрѣтеніе письменъ, дали славянскимъ племенамъ предъ другими племенами, населявшими Европу, по отно-

*) Печатаются ниже обѣ рѣчи.

шенію къ ихъ умственному развитію и политической жизни, а хоръ исполнилъ „Хвалебную пѣснь“ свв. первоучителямъ славянъ, (слова и музыка Д. Н. Соловьева), стихотвореніе Тихомирова: „Славяне! Пѣснію высокой почтимъ Апостоловъ“, гимнъ свв. Кириллу и Меѳодію, соч. Главача, и народный гимнъ.

Текстъ стихотворенія: „Славяне! Пѣснію высокой“... читалъ А. Б. Пигулевскій по строфамъ и послѣ каждой строфы хоръ пѣлъ „Славу“.

7-го апрѣля Вильна продолжала праздновать 1000-лѣтіе славянскихъ первоучителей. Городъ былъ украшенъ флагами и въ разныхъ пунктахъ его въ теченіи дня играли хоры военной музыки. Въ 2 часа дня въ зданіи городскаго манежа устроено было для народа чтеніе съ туманными картинами; предметомъ чтенія была жизнь и дѣятельность свв. братьевъ; чтеніе сопровождалось пѣніемъ хора пѣвчихъ и игрою оркестра военной музыки. Манежъ былъ прекрасно убранъ флагами; въ глубинѣ его помѣщался экранъ для туманныхъ картинъ, освѣщаемыхъ электричествомъ, подъ управленіемъ преподавателя физики вилен. реальнаго учил. А. А. Полозова. Весь манежъ былъ заставленъ скамейками, на которыхъ помѣстилось 900 человѣкъ и, кромѣ того, масса народа стояла за скамейками всего до 2000 чел., столько же находилось внѣ манежа, напрасно ожидая свободнаго пропуска. На чтеніи присутствовали г. виленскій генералъ-губернаторъ И. С. Кахановъ, г. попечитель вилен. уч. округа Н. А. Сергіевскій, нѣсколько лицъ изъ мѣстной администраціи и учебнаго вѣдомства. Въ началѣ оркестръ исполнилъ гимнъ „Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ“, затѣмъ гг. преподаватели И. В. Свирѣлинъ, И. Т. Харахоркинъ, И. В. Васильевъ поочередно читали жизнеописаніе св. братьевъ, иллюстрируя свое чтеніе туманными картинами. Во время перерывовъ въ чтеніи, въ соотвѣтствующіе по содержанію чтенія моменты, хоръ учениковъ вилен. учеб. заведеній исполнилъ гимнъ Главача, гимнъ Новгородскій (съ аккомпаниментомъ оркестра) и, въ заключеніе, народный гимнъ „Боже, Царя храни“ (также съ аккомпаниментомъ оркестра), и сопровождаемый могучимъ „ура“.

Въ тотъ же день, вечеромъ, въ залѣ виленск. дворца состоялся литературно-музыкальный вечеръ, всецѣло посвященный торжественному чествованію просвѣтителей славянскаго міра, св. братьевъ Кирилла и Меѳодія.

Въ глубинѣ ярко освѣщенной залы, на возвышеніи, стояло, среди зелени, на фонѣ трехцвѣтнаго, прекрасно драпированнаго щита, изображеніе чествуемыхъ св. первоучителей и создателей церковно-славянскаго языка. Вечеръ открылся въ 7½ часовъ „Хвалебной пѣснью“ (слова и муз. Соловьева), исполненной хоромъ подъ управленіемъ г. Борзаковскаго. Стройное, и надо отдать справедливость, артистическое исполненіе этой пѣсни произвело сильное впечатлѣніе на присутствовавшихъ. Ради торжества этого вечера нарочно были соединены нѣсколько хоровъ. И нельзя не поблагодарить г. Борзаковскаго: этотъ соединенный, обилующій дѣйствительно прекрасными голосами, хоръ во всѣхъ нумерахъ программы выполнилъ свою задачу блестяще! Г. Бѣлецкій затѣмъ произнесъ прекрасную, ниже печатаемую, рѣчь о дѣятельности и трудахъ св. братьевъ, которымъ благодарное славянство всегда будетъ пѣть славу.

„Слава Кириллу, слава Меѳодію, слава братьямъ святымъ!...“ торжественно-стройно заключилъ эту рѣчь хоръ и тихо замерли чудные звуки этой прекрасной мелодіи. Затѣмъ исполненъ былъ „Новгородскій гимнъ“ Тихомірова; съ аккомпаниментомъ оркестра и хора его исполнили очень мило г-жи В. П. Щебальская, А. К. Мертенсъ и гг. Нечаевъ и Граниковъ. Два стихотворенія Хомякова „Мы—родъ избранный“ и „Россіи“ прочли затѣмъ гг. Хорохоркинъ и Васильевъ. Между чтеніемъ этихъ стихотвореній прекрасно пропѣлъ гимнъ Главача г. Нечаевъ. Не забыть этого пѣнія и этого симпатичнаго голоса—тенора. Въ заключеніе хоръ запѣлъ „Славу“—старинную русскую величальную пѣснь... Что то необъятно-великое, вмѣстѣ и грустное, и веселое, звучитъ въ этой пѣснѣ!.. Слушая ее, невольно переносишься къ старому времени и въ умѣ вашемъ возстаютъ добрые древніе русскіе обычаи, наша славная старина!

Вечеръ окончился русскихъ національнымъ гимномъ, повтореннымъ, по требованію присутствующихъ, передъ портретомъ нынѣ царствующаго Государя Императора, и дружнымъ „ура“!

Слово, сказанное 6 апрѣля 1885 года въ тысячелѣтіе кончины св. Меѳодія просвѣтителя Славянъ.

Сей день, его же сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся въ онь.

И подлинно, Господь сотворилъ намъ сей день, великій и знаменательный день, начинающій собою новую эру въ въ исторіи славянства! Не предшественникамъ и не наслѣдникамъ нашимъ, а намъ—современному славянскому міру—весьма благовременно судилъ Господь праздновать тысящелѣтіе со дня блаженной кончины великаго просвѣтителя славянъ св. Меѳодія, дабы мы, одушевившись сознаніемъ важности подвиговъ его и его неразлучнаго брата Кирилла, съ лучшими надеждами вступили въ другое тысячелѣтіе исторической жизни Славянъ. Тысячу лѣтъ прожитой, бодроразвивающейся духовной жизни славянскаго народа среди паденія и гибели цѣлыхъ націй и государствъ;—тысячу лѣтъ, не безъ борьбы впрочемъ, поступательнаго впередъ движенія могучей идеи, легшей въ основу дѣятельности св. братьевъ;—твердая сознательная увѣренность при вступленіи въ новое тысячелѣтіе, въ той истинѣ, что нѣтъ уже на землѣ такой силы, которая въ состояніи была бы прекратить жизнь этой идеи и измѣнить принятое ею направленіе,—это ли не радость, это ли не торжество настоящаго дня?

И мы видимъ, что востокъ и западъ христіанской Европы съ необыкновеннымъ соревнованіемъ и самостоятельно подвинулся въ заботахъ о томъ, какъ бы достойнѣе почтить память свв. славянскихъ первоучителей Меѳодія и Кирилла. И если западные христіане, къ сожалѣнію, въ праздновании настоящаго дня, не чужды, по отношенію къ восточнымъ славянамъ, привнести мысль, что св. первоучители—не ваши,—а наши,—и бросить на насъ тѣнь неправды, противъ которой, во имя евангельской любви и мира, всю жизнь боролись св. братья, то это не должно омрачать нашего свѣтлаго торжества.—Наше дѣло съ молитвенною благодарностію вспомнить святые подвиги нашихъ Просвѣтителей, сознать величіе и важность ихъ для благоуспѣшнаго процвѣтанія православія и славянства и проникнуться для своей личной дѣятельности тѣми началами, тѣмъ направленіемъ, которыя съ необычайною любовію, силою и терпѣніемъ проводили въ жизнь и сознаніе славянъ св. братья.

Станемъ же мысленно у смертнаго одра равноапостольнаго Меѳодія вмѣстѣ съ учениками его, на зарѣ 6 апрѣля 885 года, окружившими великаго мужа въ послѣдніе ми-

нуты жизни и, замѣнивъ плачь и горе ихъ чувствомъ благоговѣнія и радости, остановимъ наше вниманіе на самой существенной въ его и брата его св. Кирилла дѣятельности, и на томъ—кто въ настоящее время является прямымъ наслѣдникомъ и истиннымъ носителемъ этой дѣятельности.

Но входя въ разсмотрѣніе этого предмета, касаясь, такъ сказать, души его, насъ прежде всего поражаютъ и вмѣстѣ съ тѣмъ возвышаютъ нашъ духъ дивные пути Промысла Божія въ судьбахъ славянства—не говоримъ уже въ жизни свв. братьевъ. Нужно же было такъ случиться, что въ одно время, когда Моравскій князь Ростиславъ, желая избавить свой народъ отъ насилія германизма и латино-нѣмецкихъ проповѣдниковъ, и призвать его къ самобытной жизни, созналъ съ народомъ потребность учредить у себя національную, родную славянскую церковь и послалъ къ Греческому царю и патріарху пословъ сказать: „народъ нашъ отъ язычества отрекся, держитъ вѣру христіанскую, да только нѣтъ у насъ учителя такого, который бы намъ эту вѣру на нашемъ языкѣ разъяснилъ. Пришлите намъ наставника;—ибо отъ васъ во всѣ страны добрый законъ исходитъ";—нужно же было такъ случиться, что въ это же самое время на востокѣ въ Константинополѣ, сіяли избранники Божіи, два брата—Кириллъ и Меѳодій, изъ города Солуни, какъ будьто нарочно готовившіеся къ предстоящему св. дѣлу. Знатные происхожденіемъ, не менѣе знатные и по своему глубокому и всестороннему образованію, вполнѣ подготовленные на службу своему государству, почтенные близостью ко двору, и однакоже добровольно, во имя высшаго подвига, отказавшіеся отъ выгодъ этой службы, свв. братья принимаютъ отъ Константинопольскаго патріарха духовный санъ, и, предварительно главнаго, основнаго своего дѣла, пріобрѣтаютъ на побережьяхъ Чернаго моря богатую миссіонерскую опытность среди сарациновъ, хозаровъ, магометанства, язычества и жидовства—опытность проникнутую духомъ любви, труда и терпимости.—Въ это же почти время, когда св. Братья съ благоговѣніемъ и молитвой, приготовлялись къ дѣятельности у Моравовъ—возникаетъ особое движеніе у сѣверо-восточныхъ славянъ и слагается строй Русскаго государства, куда вскорѣ переносятся сѣмена дѣятельности св. братьевъ, давшіе у насъ богатые плоды.—Когда же покровитель свв. братьевъ Ростиславъ измѣннически погибъ за свою любовь къ Меѳодію, преданность славянству и славянской церкви, выдвигается новый славянскій князь въ Панноніи Коцѣлъ, который сыновнею любовію окружаетъ оставшагося у него въ Панноніи св. Меѳодія, защищаетъ его отъ враговъ, содѣйствуетъ его дѣятельности и даетъ возможность рости славянской церкви шире и шире...

По истинѣ, *отъ Господа бысть сіе!* По истинѣ, самъ Господь чудесно устроялъ историческую жизнь славянскихъ народовъ къ ихъ возрожденію и спасенію и къ славѣ Своего Пресвятаго Имени.

Призывъ къ проповѣди среди славянъ былъ принятъ св. Братьями, но они видѣли, что отъ дѣятельности ихъ требовалось нѣчто великое и трудное,—требовалось утвержденіе вѣры въ сознаніи славянъ, внедреніе ея въ самые тайники жизни, приспособленіе ея къ особенностямъ національной жизни. Трудность эта увеличивалась прежде всего со стороны языка. Противъ латинской проповѣди былъ на лицо живой протестъ, а славянской азбуки не было, учить же безъ буквъ—тоже, что писать на водѣ, говорили святые Братья. И вотъ они приступаютъ къ величайшему дѣлу, освященному высокимъ подвигомъ—сорокодневнымъ постомъ и молитвой; плодомъ уединенія и самоуглубленія является славянская азбука, начертанная св. Кирилломъ,—краеугольный камень новой въ христіанствѣ письменности и литературы славянской.

Какъ даръ неба, азбука тотчасъ же примѣняется къ дѣлу для выраженія на языкѣ славянъ непостижимѣйшихъ истинъ нашей вѣры: „*Искони бѣ Слово и Слово бѣ къ Богу и Богъ бѣ Слово*",—вотъ первыя строки славянской письменности! Рады были св. Братья этому успѣху, радовались и благодарили Бога Константинопольская церковь и Греческое государство. „Великое дѣло Богъ сотворилъ", писалъ Императоръ князю Ростиславу, „явивъ письмена на вашемъ языкѣ. Кириллъ несетъ тебѣ даръ честнѣе всякаго золота и камней многоцѣнныхъ". Совершивъ переводъ Евангелія и самыхъ необходимыхъ богослужебныхъ книгъ на славянскій языкъ, свв. братья являются въ Моравію и начинаютъ вести дѣло духовнаго обновленія славянъ; проповѣдь на славянскомъ языкѣ, подкрѣпляемая письменностью, оказала вскорѣ удивительное дѣйствіе; язычество падаетъ, латино-нѣмецкіе храмы съ латинскимъ богослуженіемъ пустѣютъ, общество учениковъ Кирилла и Меѳодія весьма возрастаетъ, а съ этимъ вмѣстѣ воздвигаются храмы съ славянскимъ богослуженіемъ. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ неустанной проповѣди и необыкновенныхъ ея успѣховъ, свв. братья вынуждены идти въ Римъ для оправданія отъ клеветы, взводимой на нихъ по зависти, и здѣсь св. Кириллъ, изнуренный болѣзнію, падаетъ среди поля труда, на проводимой бороздѣ „всякой правды", умоляя брата Меѳодія не оставлять земель славянскихъ: „этимъ ты вѣрнѣе спасешь свою душу". Папа Адріанъ II благословилъ труды и славянскія богослужебныя книги свв. братьевъ и отпустилъ съ миромъ св. Меѳодія, почтивши его саномъ епископа. Возвратясь на берега Дуная, къ Коцѣлу, св. Меѳодій съ большимъ рвеніемъ занялся созданіемъ обширной славянской письменности, живущей и по нынѣ въ православной церкви, созданіемъ литературнаго языка, который—по времени первый въ Европѣ,—съ изяществомъ и точностію передаетъ самыя глубокія и возвышенныя мысли христіанскаго ученія. Переводъ св. Библіи, художественный и свободный, это безсмертная заслуга Меѳодія! А къ этому присоедините творенія святыхъ отцовъ въ славянскомъ переводѣ, жизнеописанія величайшихъ подвижниковъ и дѣятелей христіанства, нравственно-философскіе сборники, собраніе церковныхъ правилъ опредѣляющихъ христіанскую жизнь—и вы почувствуете какой богатый и дорогой духовный кладъ оставилъ св. Меѳодій въ наслѣдство славянскимъ народамъ, какое могущественное орудіе умственнаго развитія и самозащиты дано въ руки славянъ!

„И ради быша словене, яко слышаша величія Божія своимъ языкомъ",—говоритъ лѣтописецъ; радовались они, что слышатъ родное слово, для нихъ понятное, проникающее въ ихъ душу и сердце, что на родномъ языкѣ могутъ Богу молиться и слушать славянскую литургію; радовались славяне, что слово мира и любви, исходившее изъ устъ Меѳодія, не оглашало слуха ихъ звукомъ мечей, что покорность ихъ ученію Христову не измѣрялась, какъ прежде было, количествомъ десятины, что проповѣдь Меѳодія не несла за собой духовнаго и политическаго порабощенія Риму и нѣмцамъ; радовались славяне, что вмѣстѣ съ мирнымъ распространеніемъ вѣры, мирно шла къ нимъ грамотность, совмѣстно съ устройствомъ славянской церкви, устроялась и

славянская школа. Въ силу тогдашнихъ обстоятельствъ и своего убѣжденія свв. Братья въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія славянъ вносили новое направленіе въ образованіе; ихъ школа не принадлежала тому или другому классу общества, а была школой общенародной, она стремилась не столько къ усовершенствованію въ философіи и діалектикѣ, сколько къ религіозно-нравственному развитію учащагося въ ней народа на основаніи даннаго въ назиданіе и руководство Слова Божія. Оттого славянинъ школы Кирилло-Меѳодіевскаго направленія спокойно и свободно читалъ Слово Божіе на родномъ языкѣ и поучался въономъ день и ночь,—и это въ то время, когда въ другихъ странахъ на переводы св. Писанія на народные языки смотрѣли какъ на ересь и подобные переводы сожигали,—когда господствовало нелѣпое мнѣніе пилатниковъ или треязычниковъ, что только на трехъ языкахъ: латинскомъ, греческомъ и еврейскомъ можно читать библію и служить въ церкви, когда само писаніе было изъято изъ употребленія мірянъ подъ страхомъ анаѳемы, когда даже латинская библія, въ высшихъ святилищахъ науки облагалась цѣпями и оберегалась отъ пытливаго взора крѣпкими запорами.

Но съ письменностію и съ школою свв. Братья принесли славянамъ еще одно величайшее благо—это православіе.—Православіе, какъ истина незыблемая, вселенская, какъ истина возвѣщенная нашимъ Спасителемъ, проповѣданная св. Апостолами, изъясненная и утвержденная на вселенскихъ соборахъ, какъ средоточіяхъ и выразителяхъ цѣлостного сознанія вселенской церкви, прошедшая сквозь горнило сомнѣній, искушеній, расколовъ и ересей—и явившаяся чистою, святою, какою она впервые вышла изъ устъ Божіихъ,—эта истина одинаково предназначенная для всѣхъ временъ и для всѣхъ національностей, удовлетворяющая всѣмъ потребностямъ богоподобной души человѣка—такова была истина православія проповѣдуемая свв. Меѳодіемъ и Кирилломъ. Во имя православія свв. Братья далеки отъ мысли поработить славянъ политическому владычеству Константинополя или Рима, или же наложить на церковь и школу печать латинской и греческой рѣчи; поражали ересь пилатниковъ или треязычниковъ,—боролись противъ возникавшаго тогда на западѣ ученія объ исхожденіи св. Духа и отъ Сына и—о причащеніи только подъ однимъ видомъ св. Тѣла. Считая патріарха или папу римскаго за перваго между равными восточными патріархами и воздавая ему должное іерархическое уваженіе и послушаніе и даже принявъ отъ него посвященіе въ санъ епископа и прося посвященія учениковъ своихъ во священники, св. Меѳодій не признавалъ однакоже папства съ его стремленіями ко всемірному владычеству, съ его вожделѣніями вогнать въ ограду христіанства народы и рабски держать въ немъ ради воображаемаго единства;—понималъ церковь какъ царство небесное, духовное, а не земное съ непогрѣшимымъ человѣкомъ во главѣ, и для водворенія и распространенія этого *царства Божія и правды Его* среди славянъ, стремился всѣми силами своей великой души. Какъ же намъ, братіе, не благодарить Бога, просвѣтившаго насъ чрезъ свв. Меѳодія и Кирилла свѣтомъ православія и тѣмъ избавившаго насъ и отъ заблужденій западнаго христіанства, и отъ ужасовъ инквизиціи, и отъ ужасовъ религіозныхъ войнъ, и отъ гнета религіозныхъ сомнѣній, обязанныхъ происхожденіемъ папству, уклонившемуся отъ вселенской истины!

Свв. братья Меѳодій и Кириллъ, сохраняя славянству его языкъ, давая ему родную письменность и принеся ему православную вѣру, сохранили и народность славянскихъ племенъ. Во имя братства о Христѣ они призывали ихъ къ взаимному общенію и единенію, освящая ихъ бытъ, семейныя и общественныя отношенія и учрежденія. Современные Меѳодію славяне убѣдились, что только подъ сѣнію православія они могутъ сохранить свои прирожденные народные обычаи, получить въ народномъ, выработанномъ славянскою жизнію, правленіи силу, развить внутреннія богатства своей даровитой природы. Этотъ духъ единенія, эти блага и нынѣ присущи славянамъ, вѣрнымъ завѣту Меѳодіевой проповѣди. Тамъ, гдѣ православіе и письменность, принесенные свв. Братьями, сохранены, тамъ живетъ славянство и будетъ жить. Примѣры на лицо—многовѣковыя страданія Сербовъ и Болгаръ подъ Турецкимъ игомъ не погубили ихъ; языкъ Кирилла и Меѳодія, народные нравы и обычаи и православіе спасали ихъ доселѣ и они стоятъ на пути къ самобытному развитію. Герои—Черногорцы, вѣрные началамъ Кирилла и Меѳодія, цѣлы и доселѣ. Между тѣмъ, въ тѣхъ славянскихъ земляхъ, гдѣ не утвердилось ученіе славянскихъ просвѣтителей, гдѣ напротивъ утвердилось вліяніе западной церкви, славянскія начала чахнутъ, или уже совсѣмъ вымерли, славянскія народности лишились политической свободы и что всего печальнѣе, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ славянинъ утратилъ братскую любовь къ другимъ славянамъ, славянинъ явился врагомъ славянина.

Но ни одно племя славянское не обнаружило такихъ богатыхъ плодовъ отъ сѣянія на нивѣ Господней руками свв. Меѳодія и Кирилла, и ни одно не можетъ съ такою силою чувствовать радость настоящаго праздника, какъ стомилліонный народъ Русскій, и торжество настоящаго дня есть, по преимуществу, торжество русской церкви, русскаго народа, русскаго просвѣщенія.

Послѣ смерти великаго учителя и страдальца Меѳодія врагамъ его развязались руки: ученики Меѳодія были жестокимъ образомъ изгнаны изъ Панноніи и дѣло свв. братьевъ Солунскихъ—православная вѣра, славянское богослуженіе, славянская проповѣдь и славянская азбука путемъ вѣковыхъ насилій—стерто, сглажено, прахомъ покрылось на мѣстахъ ихъ апостольской дѣятельности,—самыя письмена замѣнены латинскими. Но это святое дѣло, по свойству своей природы, не могло умереть. Невидимый Правитель и Глава церкви *движетъ свѣтильникъ вѣры отъ мѣста своего* (Апокалипс. 2—5) и переноситъ его изъ юго-славянскихъ предѣловъ въ священный Кіевъ, матерь Русскихъ градовъ. Здѣсь труды св. Братьевъ нашли себѣ благодатную почву и увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Совершилось, не безъ участія учениковъ Меѳодіевыхъ, крещеніе Русскаго народа, устроилась славянская церковь и при ней неразлучно славянская школа, письменность и литература развились въ широкой степени, при чемъ все богатство христіанскаго востока, вскорѣ послѣ крещенія, сдѣлалось наслѣдіемъ русскаго народа, руководителемъ его къ жизни и благочестію; разрозненный строй Русскаго государства, подъ вліяніемъ вѣры и церкви, окрѣпъ, вынесъ страшныя потрясенія и явился незыблемой твердыней—о которую не разъ разбивались грозные натиски враговъ; народы и народцы, населявшіе Россію, мирнымъ и естественнымъ путемъ вошли въ составъ славянскаго племени, растворившись въ немъ духовно. Всѣ попытки папства подчинить своему вліянію русскій народъ посредствомъ уній и т. п. сдѣлокъ въ концѣ концовъ разбивались о незыблемую преданность этого народа

славянскому богослужебному языку и неразрывному съ нимъ православію; племена славянскія не разъ спасались отъ враговъ участіемъ единовѣрной и единоплеменной Руси, на которую съ надеждою обращаютъ свои взоры. Вѣрная убѣжденіямъ св. Братьевъ—Русская славянская церковь заботилась и заботится о сознательномъ усвоеніи ея чадами истинъ вѣры и правилъ христіанской жизни, плодомъ чего являются переводы священныхъ и богослужебныхъ книгъ на инородческіе языки, проповѣдь и грамотность на этихъ же языкахъ. Въ такомъ направленіи и духѣ поступали дѣятели, выходившіе изъ Кіево-Печерской лавры, такъ поступалъ св. Стефанъ Пермскій при обращеніи Зырянъ, такъ поступали и поступаютъ Русскіе проповѣдники въ предѣлахъ Сибири и др. окраинъ, такъ съ необыкновеннымъ успѣхомъ и любовію дѣйствовалъ въ наши даже дни, нашъ апостолъ, въ Бозѣ почившій, Иннокентій, митрополитъ Московскій, просвѣтитель Камчадановъ, Алеутовъ, Колошъ, Креоловъ и др., въ такомъ же направленіи трудятся и нынѣ проповѣдники наши въ Японіи.

Такимъ образомъ стоящая во главѣ славянства стомилліонная Россія была и есть и, уповаемъ, будетъ навсегда ревностнымъ продолжителемъ трудовъ и носителемъ чистой идеи св. равноапостольныхъ славянскихъ Просвѣтителей, имена которыхъ съ благоговѣніемъ еще въ XI вѣкѣ внесены на Руси въ святцы. И настоящее торжество есть по преимуществу торжество православнаго славянства, которое съ чистымъ сердцемъ, съ непомраченнымъ прошлымъ, съ неподавленною совѣстію встрѣтило и свѣтло чтитъ тысячелѣтній праздникъ святыхъ Просвѣтителей.

И западное славянство собралось праздновать тысячелѣтнюю годовщину со дня смерти св. Меѳодія и, къ удивленію, оспариваетъ у православнаго славянства право чествованія священной памяти этого равноапостола; но тяготѣя своимъ духомъ къ Риму, уничтоживъ у себя слѣды проповѣди Меѳодія, оно естественно проникается и убѣжденіями и намѣреніями Рима и самый праздникъ сей оно, быть можетъ, невольно направляетъ въ подрывъ славянству. А каковы эти убѣжденія и намѣренія Рима, какой духъ ими движетъ? Пять лѣтъ тому назадъ повелѣніемъ Рима имена св. Кирилла и Меѳодія обязательно внесены въ римско-католическіе святцы и латинскій міръ приглашенъ почитать ихъ какъ святыхъ проповѣдниковъ, сторонниковъ и поборниковъ Рима и папства. Читая это, невольно спрашиваешь? Ужели забыта политика Рима то признававшаго, то отвергавшаго славянское Кирилло-Меѳодіевское богослуженіе? Ужели забытъ папа Стефанъ VI, разрушившій славянскую церковь въ Моравіи и самаго великаго основателя и перваго ея архіепископа Меѳодія, какъ еретика, предавшій анаѳемѣ за славянскій языкъ въ богослуженіи? Ужели забыты страданія западныхъ славянъ долго еще отстаивавшихъ въ разныхъ мѣстахъ Меѳодіевскую церковную службу и письменность? Ужели соотвѣтствуетъ настоящему празднеству запрещеніе, даже въ Велеградѣ, на могилѣ св. Меѳодія, западнымъ славянамъ совершеніе богослуженія въ день 6-го апрѣля на славянскомъ языкѣ? Не изъ этого ли отчасти источника истекаетъ убѣжденіе, что для славяно-русскаго народа латинскаго обряда не слѣдуетъ разрѣшать совершеніе богослуженія на русскомъ или славянскомъ языкѣ, или что присутствіе лицъ этого обряда на православномъ славянскомъ богослуженіи, унаслѣдованномъ отъ Кирилла и Меѳодія, способно дѣйствовать развращающимъ образомъ? Полагаемъ, что это не забыто; но гдѣ является оскудѣніе духа Христова ученія, тамъ неизбѣжны противорѣчія и колебанія, которыя вносятъ духовное раздѣленіе въ общеславянскій міръ. Несомнѣнно также, да и событія оправдаютъ, что настоящее празднество для западнаго славянства принесетъ разочарованіе и сознаніе уклоненія на страну далече отъ отечества завѣта нашихъ просвѣтителей и б. м. воскреситъ мысль о возвращеніи въ отчій домъ—подъ священное знамя св. Первоучителей славянъ. Въ виду этого—тѣмъ усерднѣе, тѣмъ единодушнѣе необходимо должна возноситься въ настоящій день наша общеславянская молитва къ Богу мира и любви, да въ новомъ тысячелѣтіи пріидутъ и отторгнутые братья въ единеніе вѣры, духа и слова.

Общимъ хоромъ милліоновъ сердецъ и устъ вознесемъ и мы, братіе, въ настоящій день, молитву къ Господу милости и благодати—чтобы духъ свв. братьевъ—духъ любви къ книжной мудрости св. Кирилла; духъ мужества, терпѣнія и благочестія св. Меѳодія, духъ любви къ православной вѣрѣ и къ славянству ихъ обоихъ царствовалъ въ нашихъ семьяхъ, въ нашихъ школахъ и во всемъ нашемъ отечествѣ и въ средѣ всего славянскаго міра, чтобы возростала умственно и нравственно наша великая страна, а вмѣстѣ съ нею и въ единствѣ съ нею и всѣ славянскіе народы въ пользу свою и для блага всѣхъ народовъ міра. Аминь.

П. І. К.

Рѣчь на актѣ П. Н. Жуковича

Ваше Преосвященство,

Милостивые государи и государыни!

Въ неясныхъ очертаніяхъ рисуются теперь передъ нами первые моменты славянской культуры. Какъ смутная тѣнь выступаютъ передъ нами изъ глубины десяти протекшихъ вѣковъ и великіе образы первыхъ цивилизаторовъ славянства св. Кирилла и Меѳодія. Давно уже историческая наука усиливается внести свѣтъ въ эту туманную даль, но до сихъ поръ еще въ результатѣ ея кропотливаго анализа не получилось вполнѣ научнаго синтеза, — далекій, смутный призракъ легенды не превратился въ близкій, ясный образъ исторіи. Только *самое дѣло* солунскихъ братьевъ, съ великими его послѣдствіями, начинаетъ постепенно проясняться для славянскаго самосознанія. На это дѣло, мм. гг., я и позволяю себѣ обратить ваше преосвѣщенное вниманіе.

Въ IX в. въ Моравіи, всего сильнѣе бился пульсъ національной славянской жизни; въ ней даже завязывался повидимому крѣпкій узелъ славян. государственности. Начатая Мойміромъ (хотя и неудачно) борьба съ нѣмцами успѣшно продолжалась Ростиславомъ. Геройски отразивъ (855 г.) вторженіе въ Моравію нѣмецкихъ полчищъ, онъ добился фактической независимости своего государства отъ нѣмцевъ, хотя de jure вассальная зависимость отъ имперіи еще оставалась. Счастливо соединявшій въ себѣ съ большою энергіею столь рѣдкое въ славянскомъ князѣ пониманіе истинныхъ народныхъ интересовъ, Ростиславъ ясно видѣлъ, что однѣ военныя удачи не дадутъ прочнаго бытія его государству, что для упроченія добытой свободы надо Моравіи стать народомъ культурнымъ и прежде всего сознательно христіанскимъ. Римъ для этого не годился, и Ростиславъ, хотя самъ крещенный латинскими миссіонерами, обращается съ просьбою о присылкѣ миссіонера-просвѣтителя къ полуславянской Византіи (862 г.).

Посланные изъ Византіи въ Моравію братья Констан-

тинъ и Меѳодій какъ нельзя болѣе соотвѣтствовали великимъ планамъ Ростислава. Они съ дѣтства хорошо владѣли славянскимъ языкомъ (какъ солунскіе уроженцы) и — что не менѣе важно — совершенно были чужды того полуснисходительнаго, полупрезрительнаго отношенія къ такъ называемымъ варварамъ, отъ котораго, даже послѣ принятія христіанской вѣры, не всегда легко было отрѣшиться гордымъ наслѣдникамъ греко-римской цивилизаціи. Константинъ за свою ученость въ столицѣ греческой образованности прозванный философомъ, пришелъ въ моравскій Велеградъ съ приготовленной имъ для славянъ азбукой, этимъ могучимъ рычагомъ умственнаго прогресса. Еще въ отечествѣ, готовясь въ дорогу, братья приступили къ пользованію этимъ рычагомъ и теперь несли съ собой моравамъ нѣсколько священныхъ книгъ въ славянскомъ переводѣ, имѣвшихъ пріобщить ихъ къ христіанской цивилизаціи. Отрѣшившись отъ національнаго самомнѣнія, св. братья какъ-бы прозрѣли великое будущее, ожидавшее молодые народы Европы, какъ бы предъугадали, что не въ одряхлѣвшую Византію, а къ этимъ полнымъ жизни варварамъ направитъ свой полетъ истинная мудрость, которая — скажемъ словами средневѣковаго византійскаго историка (Никифоръ Григора) — какъ птица, которую спугнули съ гнѣзда, долго-долго (во всѣ средніе вѣка) летала надъ землею, не находя себѣ нигдѣ пристанища.

Въ Моравіи братья продолжали свою просвѣтительную миссію: переводили священныя и богослужебныя книги на славянскій языкъ, съ проповѣдью христіанской вѣры обходили моравскіе города и деревни, вмѣсто латинскаго языка вводили богослуженіе на языкѣ славянскомъ, учили моравъ славянской грамотѣ. Помимо того, что сами лично византійскіе миссіонеры оказались неутомимыми тружениками, они обнаружили большой организаторскій талантъ: такъ какъ на широкомъ полѣ новой ихъ дѣятельности единичныя усилія не могли много значить, они позаботились прежде всего о томъ, чтобы изъ среды самихъ моравъ образовать себѣ возможно больше преданныхъ дѣлу сотрудниковъ и помощниковъ. Благодаря такому характеру ихъ дѣятельности, бывшая только по имени христіанскою Моравія становилась постепенно христіанскою на дѣлѣ. Успѣхъ миссіи Константина и Меѳодія, конечно, въ значительной степени зависѣлъ еще отъ содѣйствія князя и сочувствія народа, о которыя легко разбивались всѣ враждебныя усилія латино-нѣмецкаго духовенства.

Нѣмецкое духовенство по праву перваго захвата считало Моравію своею и вовсе не было расположено отказываться и отъ столь соблазнительной для него десятины съ новыхъ духовныхъ овецъ, и отъ столь предупредительно жалуемыхъ ему нѣмецкими князьями въ славянскихъ областяхъ обширныхъ поземельныхъ владѣній. Нѣмецкое правительство въ свою очередь не имѣло основаній сомнѣваться въ добромъ патріотизмѣ нѣмецкаго духовенства, всегда охотно содѣйствовавшаго германизаціи славянъ. Этимъ-то политическимъ и финансовымъ разсчетомъ нѣмцевъ грозила теперь серьезная опасность; въ Моравіи устроялась національская церковь съ славянскимъ богослужебнымъ языкомъ, нѣмецкая іерархія оказывалась не у дѣлъ, латинскій языкъ, которымъ она думала воспользоваться, какъ орудіемъ къ упроченію своей власти надъ темною народною массою, объявленъ ненужнымъ. Понятно, нѣмецкое духовенство поголовно ополчилось на защиту своего стараго союзника, и солунскимъ братьямъ вскорѣ пришлось защищаться противъ обвиненія въ очень странной ереси, — въ томъ, что они осмѣлились совершать христіанское богослуженіе на славянскомъ языкѣ, между тѣмъ какъ Пилатъ велѣлъ сдѣлать надпись на крестѣ Господнемъ на трехъ только языкахъ — еврейскомъ, греческомъ и латинскомъ.

Тяжба греческихъ миссіонеровъ съ нѣмецкимъ духовенствомъ изъ-за іерархическаго устройства Моравіи и изъ-за славянскаго языка въ богослуженіи поступила на судъ римскаго папы, такъ какъ Моравія въ междуцерковномъ отношеніи входила въ составъ римскаго патріархата. Константинъ и Меѳодій, съ приходомъ въ Моравію признавши надъ собою власть западнаго патріархата, лишь строго держались освященнаго положительнымъ церковнымъ правомъ и многовѣковою церковною практикою разграниченія предѣловъ юрисдикціи пяти патріарховъ. Не нужно забывать также, что то папство, которое мы теперь знаемъ, есть продуктъ очень длиннаго историческаго процесса развитія, что въ IX в. этотъ процессъ не дошелъ еще и до половины. Восточные христіане, хотя вслѣдствіе многихъ очень сложныхъ причинъ не питали особеннаго дружелюбія къ западному патріарху, далеко однако же не тѣми глазами смотрѣли на него, какими смотрятъ ихъ потомки XIX в. Правда, въ тѣ четыре года, которыя братья провели въ Моравіи, между Римомъ и Константинополемъ установились весьма натянутыя отношенія, дѣло дошло почти до разрыва: но знаменитый споръ папы Николая I съ патр. Фотіемъ былъ въ существѣ дѣла конфликтомъ личныхъ и политическихъ интересовъ, и не столько самихъ этихъ іерарховъ, сколько тѣхъ, кто за ними скрывался. Сознаніе церковнаго единства восточныхъ и западныхъ христіанъ брало тогда рѣшительный перевѣсъ надъ сознаніемъ церковныхъ разностей, число которыхъ по счету самого Фотія было еще невелико, — и прошло еще болѣе полутораста лѣтъ, прежде чѣмъ раздѣленіе церквей стало совершившимся фактомъ. Высокое умственное развитіе предохраняло Константина и Меѳодія отъ смѣшенія принциповъ съ личностями; притомъ же они жили такъ далеко отъ арены борьбы, а сознаніе единства Христовой церкви должно было особенно сильнымъ быть у тѣхъ, кто всецѣло посвятилъ себя пріобрѣтенію для Христа новой духовной нивы. Ничего слѣдовательно нѣтъ страннаго въ путешествіи Константина и Меѳодія въ Римъ (867 г.).

На рѣшеніе папы Адріана II (867—872), по пріѣздѣ Константина и Меѳодія въ Римъ, поступилъ прежде всего іерархическій вопросъ — оставить ли Моравію, по просьбѣ нѣмецкаго духовенства, въ зависимости отъ зальцбургской митрополіи, или образовать изъ нея, согласно желанію Ростислава, независимую церковную провинцію. Адріанъ, наслѣдовавшій отъ своего знаменитаго предшественника папы Николая I политику ослабленія митрополитанскихъ каѳедръ Германіи и образованія небольшихъ церковныхъ провинцій, непосредственно подчиненныхъ Риму (политику, доведенную папами въ наши дни до точки непосредственной зависимости каждаго католическаго епископа отъ папы I) — Адріанъ рѣшилъ дѣло въ пользу церковной независимости Моравіи. Покровительство вновь возникающимъ церковнымъ провинціямъ по необходимости заставляло папъ поддерживать въ нихъ народные элементы, туземную іерархію, мѣстные языки, — и вотъ папа Адріанъ, конечно не изъ желанія содѣйствовать развитію народнаго самосознанія у славянъ, а изъ стремленія крѣпче привязать ихъ къ престолу св. Петра, не только утверждаетъ новую моравско-паннонскую

митрополію, но и учреждаетъ въ ней, въ лицѣ Меѳодія (посвященнаго въ Римѣ въ архіепископы) и его моравскихъ учениковъ, народную іерархію и соглашается даже на введеніе въ Моравіи богослуженія на славянскомъ языкѣ, съ тѣмъ лишь ограниченіемъ, чтобы на литургіи священное писаніе новаго завѣта читалось сперва по латыни, а потомъ—по славянски. Кто имѣлъ случай въ исторіи или жизни наблюдать, какъ тѣсно католическій универсализмъ объединяется иногда съ народными элементами, тотъ не найдетъ ничего страннаго въ покровительствѣ, которое папа Адріанъ оказалъ славянскому языку, найдя въ данную минуту неубѣдительными схоластически-мистическія доказательства нѣмецкаго духовенства въ пользу исключительной угодности Богу „пилатовскихъ“ языковъ.

Славянское дѣло торжествовало. Славянской церкви въ Моравіи дана прочная организація; славянскій языкъ въ богослуженіи одержалъ побѣду надъ „треязычной“ ересью. Надвинувшіяся съ запада тучи разсѣялись; пасмурное утро славянской культуры прояснилось.

Но не суждено было ему сдѣлаться предвѣстникомъ яснаго дня для Моравіи. Еще въ Римѣ не стало св. Кирилла, († 14 февр. 869 г.), проведшаго вмѣстѣ съ Меѳодіемъ первую борозду на дѣвственной почвѣ славянской. Когда послѣ двухлѣтняго пребыванія въ Римѣ, Меѳодій въ санѣ моравско-паннонскаго архіепископа возвратился къ своей паствѣ (870 г.), Моравія была въ самомъ разгарѣ вновь вспыхнувшей войны съ нѣмцами. Доблестный князь Ростиславъ вскорѣ палъ жертвою измѣны и предательства. О путешествіи въ Моравію, занятую нѣмцами, нечего было и думать, и св. Меѳодій поселился у паннонскаго князя Коцела и принялся за устройство славянской церкви въ Панноніи. Нѣмецкое духовенство не замедлило воспользоваться торжествомъ нѣмецкаго оружія надъ славянами, чтобы св. Меѳодія, какъ узурпатора своихъ правъ заключить въ тюрьму. О заступничествѣ папы Адріана за невиннаго страдальца исторія ничего не знаетъ. Лишь по требованію его преемника Іоанна VIII Меѳодій, послѣ почти трехълѣтняго заключенія получилъ свободу (874 г.). Поданный этому папѣ зальцбургскимъ архіепископомъ длинный историческій меморандумъ въ защиту церковныхъ правъ Зальцбурга на Моравію (873 г.), хотя и энергически поддержанный нѣмецкимъ королемъ Людовикомъ, не достигъ цѣли: Іоаннъ VIII очень искусно воспользовался вакансіею зальцбургской митрополіи и предстоявшимъ тогда коронованіемъ новаго германскаго императора (тогоже Людовика), чтобы отстоять независимость моравской архіепископіи. Меѳодій переѣхалъ въ Моравію (874 г.), ко двору новаго моравскаго князя Святополка, который хотя былъ виновникомъ гибели Ростислава, началъ стремиться въ это время, подобно дядѣ, къ политической независимости отъ нѣмцевъ. Возвратившись въ Моравію, послѣ болѣе чѣмъ шестилѣтняго отсутствія изъ нея, Меѳодій неутомимо трудился надъ устройствомъ церковныхъ дѣлъ въ своей архіепископіи, освящалъ церкви, рукополагалъ къ нимъ священниковъ, устроялъ славянское богослуженіе.

Между тѣмъ латино-нѣмецкое духовенство съ достойною лучшаго приложенія энергіею продолжало борьбу съ моравскимъ архіепископомъ, только съ исторической почвы, непризнанной въ Римѣ, перенесло ее на личную почву. Вмѣсто историческаго меморандума въ Римѣ вскорѣ получили изъ Баваріи продиктованное повидимому безкорыстною ревностію по вѣрѣ донесеніе о томъ, что сосѣдній моравскій архіепископъ проповѣдуетъ ересь—исхожденіе Духа Св. отъ одного Бога-Отца и всюду изгоняетъ изъ богослужебной практики латинскій языкъ съ очевидною цѣлью — совсѣмъ отказаться отъ послушанія св. апостольскому престолу. Но папа Іоаннъ былъ великій дипломатъ, для котораго политическія выгоды были важнѣе догматическихъ тонкостей и котораго очень трудно было запугать мнимыми страхами. Не стѣсняясь историческими традиціями, общепринятыми шаблонами, этотъ папа съ большимъ искусствомъ проводилъ ладью Петрову между сциллами и харибдами, которыхъ такъ много встрѣтилось на его историческомъ пути. У этого папы очень легко могло оказаться два мнѣнія по одному и томуже вопросу. Это и случилось съ жалобою баварцевъ. Въ данный моментъ Іоанну нужно бы чѣмъ-нибудь задобрить нѣмецкую партію, сильно тѣснившую его въ самомъ Римѣ и—бывшій архидіаконъ Адріана II съ легкимъ сердцемъ отмѣняетъ распоряженіе своего предшественника—запрещаетъ (даже дважды) совершеніе богослуженія на „варварскомъ“, т. е. славянскомъ языкѣ. Уступчивость папы только раззадорила нѣмцевъ. Воспользовавшись тѣмъ, что Меѳодій попрежнему совершалъ богослуженіе по славянски, баварцы поспѣшили извѣстить св. отца объ ослушаніи моравскимъ епископомъ его распоряженій, хотя самъ Іоаннъ повидимому не особенно объ этомъ безпокоился. Этого мало: недалекій по уму Святополкъ, которымъ къ этому времени успѣло овладѣть латино-нѣмецкое духовенство, отправилъ отъ себя къ папѣ нарочитаго посла съ вопросомъ: кого ему слушаться—архіепископа Меѳодія или нѣмецкихъ епископовъ, обвиняющихъ его въ неправовѣріи? На поставленный такъ вопросъ папа отвѣтилъ вызовомъ моравскаго архіепископа для личныхъ объясненій въ Римъ, куда послѣдній и отправился (879 г.). Этотъ вызовъ почти равнялся осужденію Меѳодія: ослушаніе его стояло внѣ сомнѣнія. Нѣмцы уже почти угадывали будущее... Можно поэтому представить себѣ ихъ изумленіе, когда изъ полученной Святополкомъ папской буллы (880 г.) они узнали, что св. отецъ послѣ тщательнаго разслѣдованія дѣла убѣдился, что моравскій архіепископъ не вводитъ никакой ереси, когда на литургіи читаетъ никео-цареградскій символъ вѣры безъ filioque, что точно также онъ совершенно правъ, когда для славянъ совершаетъ литургію на славянскомъ языкѣ, потому что—аргументировалъ папа—не на трехъ только языкахъ призываетъ насъ священное писаніе славословить Бога, и совершеніе литургіи на славянскомъ языкѣ не служитъ препятствіемъ для истинной вѣры. Дѣло объяснилось просто! Политическія обстоятельства измѣнились: въ виду сарацинъ, угрожавшихъ Риму, византійскій императоръ былъ теперь папѣ нужнѣе нѣмцевъ, и Іоаннъ VIII счелъ благовременнымъ возвратиться къ политикѣ Адріана II.

Рѣшеніе папы не положило конца тяжелой, полной обидъ и оскорбленій борьбѣ Меѳодія съ нѣмецкою іерархіею. Самъ Іоаннъ создалъ благопріятныя для этого условія, рукоположивъ, въ угоду Святополку, рекомендованнаго имъ нѣмца Вихинга въ епископа нитранскаго, суффрагана моравской архіепископіи. Правда, при самомъ рукоположеніи папа велѣлъ Вихингу во всемъ повиноваться архіепископу, но суффраганъ объ этомъ всего менѣе думалъ. Немедленно же по возвращеніи изъ Рима, Вихингъ представилъ Святополку подложное посланіе къ нему папы, въ которомъ послѣдній взводитъ разныя вины на Меѳодія, запрещаетъ богослуженіе на славянскомъ языкѣ и наконецъ увѣдомляетъ, что взялъ съ суффрагана клятвенное обѣщаніе слѣдить за

поведеніемъ архіепископа. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ своего возвращенія, Меѳодій просилъ уже папу разъяснить его недоумѣніе по поводу этого посланія, и Іоаннъ VIII въ новомъ посланіи къ Меѳодію (23 марта 881 г.) разоблачалъ подлогъ Вихинга. Вихингъ однако не понесъ достойнаго наказанія за свой безчестный преступокъ. Онъ остался викаріемъ Меѳодія и, разумѣется, не помагалъ, а противодѣйствовалъ всѣмъ благимъ его начинаніямъ. Прямодушному, безкорыстному труженику пришлось на своихъ старческихъ плечахъ нести наиболѣе для него тяжелый крестъ коварной интриги, способной на всякую подлость. Баварцы распустили нелѣпый слухъ, что сама Византія, догматами и обрядами которой Меѳодій повидимому такъ дорожитъ, вовсе не сочувствуетъ его дѣятельности, что въ Византіи тотчасъ предали бы его смерти, только бы его схватить. Для опроверженія этой лжи св. Меѳодій, на закатѣ дней своихъ, предпринялъ трудное путешествіе въ Константинополь, гдѣ конечно былъ принятъ съ искреннею любовію и заслуженными имъ почестями. Возвратившись обратно въ Моравію, престарѣлый архіепископъ и остатокъ дней своихъ всецѣло отдалъ все тому-же великому дѣлу своей жизни. Все усиливавшая интрига враговъ отравила послѣднія минуты его жизни († 6 апрѣля 885 г.): незадолго до смерти онъ даже вынужденъ былъ предать ихъ церковному проклятію.

Со смертію св. Меѳодія и его дѣло въ Моравіи погибло. Латино-нѣмецкая партія совершенно овладѣла Святополкомъ; многочисленные славянскіе ученики Меѳодія были изгнаны изъ Моравіи. Въ началѣ X вѣка отъ напора нѣмецкихъ и венгерскихъ силъ не окрѣпшее еще зданіе моравской государственности рушилось, и подъ его развалинами безвременно погибли всѣ добрые всходы Кирилло-Меѳодіевской проповѣди у западныхъ славянъ. Съ политическимъ ослабленіемъ западнаго славянства, само папство открыто перешло на сторону его враговъ. Извѣстно, что съ конца IX вѣка въ исторіи папства наступила одна изъ самыхъ мрачныхъ эпохъ, когда самое грубое невѣжество и самый гнусный развратъ царили въ Римѣ на полномъ просторѣ (вспомнимъ т. наз. правленіе блудницъ). Папы этой позорной эпохи одинъ передъ другимъ анаѳематствовали славянскій богослужебный языкъ, одинъ передъ другимъ изрыгали неразумныя хулы на славянскихъ первоучителей. Мы не станемъ вызывать ихъ замогильныя тѣни на судъ исторіи: отъ ихъ образа дѣйствій современное папство торжественно отреклось.

Не осталось въ Моравіи никакихъ слѣдовъ Кирилло-Меѳодіевской проповѣди. Тѣ, среди кого жилъ Меѳодій многіе годы, не сберегли для потомства даже его могилы. Но воздвигли себѣ славянскіе первоучители памятникъ нерукотворный, надъ которымъ не имѣетъ силы всесокрушающее время, который пережилъ уже цѣлую тысячу лѣтъ, не утративъ до сихъ поръ своего жизненнаго значенія. Этотъ памятникъ—близко насъ, въ каждой православной церкви, и ведущая къ нему тропа никогда не заростала въ православныхъ славянскихъ земляхъ. Православные славяне свято хранили завѣщанный имъ Кирилломъ и Меѳодіемъ славянскій переводъ священныхъ и богослужебныхъ книгъ, хотя часто и не знали именъ переводчиковъ. Наши церковныя книги въ разныя историческія эпохи, у разныхъ славянскихъ племенъ въ частностяхъ, въ отдѣльныхъ словахъ и выраженіяхъ, конечно, измѣнялись и исправлялись въ видахъ большаго приспособленія ихъ къ народному пониманію: но основа ихъ—Кирилло-Меѳодіевская, и самыя эти измѣненія и улучшенія текста вытекали и вытекаютъ изъ того же духа свободнаго, разумнаго христіанства, которымъ были одушевлены славянскіе апостолы. Когда впослѣдствіи на помощь человѣческой мысли и человѣческому слову пришло книгопечатаніе, православные славяне воспользовались этимъ великимъ изобрѣтеніемъ человѣческаго генія прежде всего для возможно широкаго распространенія Кирилло-Меѳодіевскихъ священныхъ переводовъ. И въ нашей Вильнѣ первыя печатныя книги, вышедшія изъ русскихъ типографій, были евангеліе и псалтырь. Въ западной же Россіи, въ тяжкую годину борьбы православія съ католичествомъ, наканунѣ введенія злосчастной церковной уніи издана первая печатная библія на церковно-славянскомъ языкѣ (острожская).

Кирилло-Меѳодіевскіе переводы—первые извѣстные теперь памятники славянской письменности вообще. Въ нихъ славянское слово впервые облеклось въ письменную форму и начало новую, историческую жизнь. Всѣ національныя славянскія литературы по праву чествуютъ въ Кириллѣ и Меѳодіѣ родоначальниковъ *письменнаго* славянскаго слова.

Никогда славяне не жили общею жизнью, и общей исторіи у нихъ нѣтъ; частныя же исторіи славянскихъ народностей лишь накопили въ теченіе вѣковъ массу національныхъ историческихъ счетовъ, часто очень застарѣлыхъ и запутанныхъ. Конечно, современная жизнь человѣчества идетъ впередъ съ небывалою для прежнихъ вѣковъ быстротою; но кто скажетъ, когда среди новыхъ идей и запросовъ жизни старые историческіе счеты станутъ ничьихъ страстей не возбуждающею больше архивною справкой. Конечно, будущее не можетъ принадлежать запоздалымъ историческимъ путникамъ, еще менѣе—тѣмъ, кто остался сидѣть на старыхъ развалинахъ; но кто скажетъ,—куда, къ какой цѣли стремится жизнь славянства... Отрадно во всякомъ случаѣ констатировать фактъ, что и у разрозненныхъ славянскихъ племенъ, впереди большинства историческихъ счетовъ, оказывается нѣкоторый, хотя бы и слабый, пунктъ взаимнаго духовнаго единенія. И не намъ, конечно, отрицать у нашихъ иновѣрныхъ славянскихъ братій, хотя и не пользующихся теперь на дѣлѣ Кирилло-Меѳодіевскими священными переводами, права духовнаго сыновства ихъ словенскимъ просвѣтителямъ. Не намъ общеславянскій праздникъ,—праздникъ занявшейся тысячу лѣтъ тому назадъ надъ всѣмъ славянствомъ зари культурной жизни—превращать въ праздникъ своей деревни.

Восточно-славянскія земли не были мѣстомъ широкой непосредственной дѣятельности славянскихъ первоучителей. На основаніи свидѣтельства паннонскаго житія о путешествіи Кирилла и Меѳодія въ страну хозаръ, къ низовьямъ Волги историки говорятъ о проповѣди ихъ и у южно-русскихъ славянъ, у которыхъ Кириллъ (въ г. Корсуни) нашелъ переводъ евангелія и псалтыри на ихъ языкѣ (по свид. того же житія); но и независимо отъ этого факта, самыя крѣпкія нити, связали съ славянскими апостолами русское православное христіанство отъ самой его колыбели. Все христіанское просвѣщеніе древней Руси было плодомъ Кирилло-Меѳодіевскихъ священныхъ переводовъ, плодомъ той любви къ переводу на славянскій языкъ святоотеческихъ твореній, которою такъ пламенѣли всѣ истинные ученики славянскихъ апостоловъ. Болгарія, давшая пріютъ изгнаннымъ изъ Моравіи ученикамъ Меѳодія, первая стала (въ X в.) центромъ славянскаго просвѣщенія. Изъ Болгаріи великое наслѣдство греческой литературы перешло въ Россію.

Два великихъ государя древней Руси, Владиміръ св. и Ярославъ мудрый не только стремились ввести русскихъ въ обладаніе этимъ литературнымъ богатствомъ, но и старались новыми переводами увеличить его и черезъ это пріобщить Русь къ христіанской цивилизаціи. Вслѣдствіе всей совокупности неблагопріятно сложившихся историческихъ обстоятельствъ, христіанское просвѣщеніе не привилось у насъ въ желанныхъ размѣрахъ, и древняя Россія, какъ и Болгарія, не сдѣлалась преемницею византійской образованности; даже на время потомъ она отстала въ этомъ отношеніи отъ эпохи Владиміра и Ярослава. Но благодаря славянскимъ переводамъ греческихъ сочиненій христіанское просвѣщеніе никогда не изчезало совсѣмъ на Руси, хотя и влачило существованіе въ примитивной формѣ начетничества. Хотя грамотная Русь въ древнія времена была невелика, хотя она потомъ далеко не всѣ переводы читала и изъ того, что читала, далеко не все понимала; но это чтеніе переводовъ имѣло въ свое время большое образовательное значеніе. Болѣе образованные изъ русскихъ начали пробовать свои силы въ подражаніи грекамъ въ болѣе легкихъ родахъ литературы, начали облекать въ письменную форму первые плоды своего поэтическаго вдохновенія, начали вести лѣтопись своей жизни, — усвояя себѣ по готовымъ образцамъ литературные пріемы, вырабатывая литературный языкъ... Конечно, масса народная жила за чертою этого слабаго литературнаго движенія, жила многіе годы въ умственной слѣпотѣ, совсѣмъ безграмотная. Винить ли ее въ томъ, что она не знала и не знаетъ творцовъ церковно-славянской грамоты? Только въ нашу эпоху народное образованіе стало предметомъ серьезныхъ заботъ церкви, правительства, и общества только на нашихъ глазахъ стала учиться грамотѣ и деревенская Русь. Пройдутъ еще многіе годы, пока разумное, доброе, честное сѣяніе въ народѣ принесетъ свои плоды. И по мѣрѣ того, какъ будутъ зрѣть эти плоды, безсмертныя имена св. Кирилла и Меѳодія все тверже будутъ запечатлѣваться въ народной памяти, все глубже будутъ западать въ народную душу.

РѢЧЬ,

сказанная во время торжественнаго собранія въ Литовской духовной семинаріи, по случаю празднованія тысячелѣтія со дня блаженной кончины св. Меѳодія, просвѣтителя славянъ *).

При настоящемъ празднествѣ въ честь просвѣтителей славянъ, св. братьевъ Меѳодія и Кирилла, отрадно вспомнить, что этому торжеству Господь судилъ совершиться въ нашемъ отечествѣ въ ту именно пору, когда и царская и церковная власть призываетъ духовенство къ усиленному труду въ дѣлѣ просвѣщенія нашего народа, и рядомъ съ другими народными училищами учреждаетъ церковно-приходскія школы, ставя во главѣ ихъ образцовыя школы, устрояемыя при семинаріяхъ. Это значитъ, что и царская и церковная власть призываетъ насъ продолжать то самое святое дѣло, начало котораго положили у славянскихъ нанародовъ чествуемые нынѣ св. братья. Такое призваніе предоставляетъ духовнымъ честь быть строителями самаго лучшаго памятника, какой только можно воздвигнуть просвѣтителямъ Славянъ. Привѣтствуемъ васъ, отцы и братіе и васъ воспитанники семинаріи, съ этимъ почетнымъ призваніемъ, привѣтствуемъ тѣмъ съ большею радостію, что Промыслъ Божій далъ намъ настоящій торжественный день какъ бы нарочито для того, чтобы освятить начало этого великаго дѣла.

Можно, кажется, въ этомъ случаѣ привѣтствовать васъ, отцы и братіе, и съ тѣмъ, что для поручаемаго духовенству святаго дѣла наступаетъ доброе, благопріятное время. Правда, нравственная атмосфера русской жизни еще не чиста: еще носятся въ ней туманы, омрачающіе мысль русскаго человѣка, еще чувствуется въ этой атмосферѣ присутствіе того, что тревожитъ сердце русскаго человѣка, любящаго свою вѣру, царя и отечество; но, замѣтно уже, что русское сѣрое небо проясняется, нравственная атмосфера уже не такъ удушлива; замѣтны признаки отрезвленія и у тѣхъ, которые слишкомъ увлекались пресловутымъ прогрессомъ, Богъ вѣсть куда гнавшимъ русскую жизнь. Уже не слышатся теперь рѣчи того либерализма, который покушался и въ нашемъ отечествѣ сочинить такъ называемую „культурную борьбу", дошедшую на Западѣ до такого дикаго фанатизма, который охраняетъ школы отъ вліянія св. вѣры христіанской, какъ отъ какой либо заразы. Такъ въ послѣднее время стали выбрасывать изъ школьныхъ библіотекъ сочиненія такихъ свѣтскихъ писателей, какъ Вольтеръ. За что же? Не за то ли, что они позволяли себѣ кощунствовать надъ св. вѣрой? Нѣтъ, не за это, а за то именно, что они не рѣшительно отрицаютъ вѣру и въ своихъ сочиненіяхъ упоминаютъ имя Божіе, хотя иногда и двусмысленно. У насъ, слава Богу, ничего подобнаго нѣтъ. Притихли въ настоящее время у насъ и тѣ, которые, при разсужденіяхъ о предоставленіи духовенству права заводить школы, пугали общество и правительство призракомъ клерикализма, забывая, что клерикализмъ, какъ сила противодѣйствующая государственной власти, возможенъ только въ латинской церкви: она, какъ извѣстно, гдѣ бы ни основалась, вездѣ является государствомъ въ государствѣ и заводитъ политическія интриги, такъ хорошо извѣстныя жителямъ этого края... Замолкли теперь у насъ и тѣ радѣтели народнаго просвѣщенія, которые, желая устранить духовенство отъ народныхъ школъ, утверждали, что оно неспособно будто-бы учить народъ рѣшительно ничему, даже азбукѣ. Теперь уже не слышно такихъ рѣчей, покрайней мѣрѣ онѣ въ печати не являются. Царское довѣріе къ духовенству въ дѣлѣ народнаго образованія пришибло злые языки. Вслѣдъ за Царемъ и другіе обратили свой взоръ на духовенство, съ увѣренностію, что оно не дастъ народу, вмѣсто хлѣба, камень и, вмѣсто рыбы, змѣю. Самъ же народъ русскій искони вѣрилъ и теперь вѣритъ глубоко, что именно духовенство дастъ ему хлѣбъ духовный,—что этотъ хлѣбъ хранится у алтаря Господня, въ книгахъ церковныхъ, хранится во всей чистотѣ, безъ примѣси разныхъ нездоровыхъ пряностей, какія въ послѣднее время нерѣдко примѣшивались при обученіи народа. И съ какою радостію нашъ народъ услышалъ первую вѣсть о томъ, что высшею властію порѣшено дѣло объ учрежденіи церковно-приходскихъ школъ! Являлись, какъ извѣстно, депутаціи къ первосвятителю русской церкви съ благодарностію за учрежденіе церковно-приходскихъ школъ. Нежданно негаданно являлись въ разныхъ мѣстахъ такіе благотворители, которые дѣлали значительныя пожертвованія на учрежденіе церковно-приходскихъ школъ. Такіе люди, замѣтимъ, оказались во всѣхъ сословіяхъ: по душѣ, видно, пришлось русскому человѣку это благословенное учрежденіе. Но это еще не все. Есть еще и другія знаменія, ясно указывающія, что настало благопріятное время для обученія народа въ религіозно-церковномъ духѣ. Гдѣ же эти знаменія? Вездѣ, на всемъ лицѣ земли русской! Этотъ самый праздникъ, сдѣлавшійся общимъ

---

*) Рѣчь эта, по вышеобъясненнымъ обстоятельствамъ была сказана 7 апрѣля.

праздникомъ и для простыхъ и образованныхъ, для свѣтскихъ и духовныхъ русскихъ людей—это знаменательное явленіе. Чтобы яснѣе стала эта знаменательность, замѣтимъ, что такого явленія давно не бывало на Руси, чуть ли не съ той поры, когда у насъ стали рѣзко отличать свѣтское образованіе отъ духовнаго и когда самая печать въ нашихъ книгахъ раздѣлилась на церковную и гражданскую. Съ той поры, какъ извѣстно, въ дѣлѣ просвѣщенія нашего народа образовался своего рода расколъ, явились на широкомъ русскомъ полѣ какъ бы два лагеря—свѣтскій и духовный. А каковы бывали отношенія между ними—можно судить по слѣдующимъ примѣрамъ. Было у насъ время, когда свѣтскіе люди считали какимъ-то неприличіемъ взять въ руки церковную книгу и прочесть ее безъ ошибки, или употребить въ своей рѣчи церковно-славянское выраженіе; было время, когда изученіе священнаго текста въ катихизисѣ свѣтскій юноша или свѣтская дѣвица считали для себя такимъ-же наказаніемъ, какимъ во время оно считалось въ нѣкоторыхъ свѣтскихъ заведеніяхъ приказаніе провинившемуся воспитаннику, чтобы онъ наизусть выучилъ извѣстное число виршей Тредьяковскаго. Было время, когда гимназисты, при встрѣчѣ съ семинаристами, называли ихъ какими нибудь славянскими словами, крича съ хохотомъ: „вотъ идутъ—*иже, убо, яко, паки*“. Давно ли и наши свѣтскіе писатели въ своихъ произведеніяхъ перестали употреблять въ ироническомъ тонѣ славянскія выраженія, считая при этомъ своимъ долгомъ передать священный текстъ непремѣнно съ какимъ нибудь искаженіемъ, чтобы такимъ образомъ дать понять, что они не снисходили до того, чтобы точнѣе замѣтить священную рѣчь? Кому неизвѣстно, какъ иногда наши литераторы пользовались славянскою рѣчью, когда имъ хотѣлось изобразить въ каррикатурномъ видѣ какое нибудь духовное лицо. Тутъ уже непремѣнно—и кстати и не кстати—влагались въ уста духовнаго лица славянскіе обороты рѣчи съ явнымъ намѣреніемъ вызвать насмѣшливую улыбку у читателей и замѣчаніе въ родѣ такого: „какой дурной тонъ у поповъ!“ Не излишне по этому поводу замѣтить: что разумнѣе въ устахъ русскаго человѣка —употребленіе ли славянскихъ оборотовъ и священнаго текста въ извѣстныхъ случаяхъ, или эта смѣсь французскаго съ нижегородскимъ, какая нерѣдко слышится изъ устъ нашихъ свѣтскихъ людей, часто совершенно безъ всякой нужды пересыпающихъ русскую рѣчь французскими фразами? Каковъ этотъ тонъ?... Спросимъ еще: что разумнѣе—изученіе ли съ малолѣтства славянскаго языка, на которомъ совершается наше богослуженіе, или заучиванье французскихъ фразъ даже и такими дѣтьми, которымъ никогда въ жизни не придется говорить по французски?.. Продолжаемъ указаніе на факты, характеризующіе отношеніе свѣтскихъ къ церковности. Кому не извѣстно, какъ стыдились, да и теперь еще многіе изъ свѣтскихъ людей стыдятся стать на клиросѣ и помочь псаломщику пропѣть церковную службу? Они не хотятъ понять, что одному псаломщику не легко пропѣть службу и, не стѣсняясь, осуждаютъ его, если онъ неискусно пропѣлъ, но себя не осуждаютъ за то, что могли помочь, да не хотѣли стать на клиросъ, считая это мѣсто какъ бы низкимъ для себя. Да это ли еще бывало?.. Бывало нерѣдко, что человѣкъ, только что перемѣнившій сѣрый кафтанъ на сюртукъ, уже стыдился стать на клиросѣ; или какая нибудь „барышня“, называемая такъ только потому, что одѣта по модѣ,—она и вообразить себѣ не могла, какъ стала бы она пѣть церковныя пѣснопѣнія послѣ тѣхъ романсовъ, которые поетъ съ такимъ чувствомъ; она и вообразить не могла, какъ это она стала бы выговаривать своими устами на клиросѣ—*яко и иже*... Вотъ до чего доходила у насъ рознь между свѣтскимъ и церковнымъ образованіемъ. Теперь, слава Богу, проходитъ у насъ время той фальшивой образованности, которая стыдится славянскаго языка, языка своей матери Церкви. Теперь стали сознавать, что такое отчужденіе отъ священнаго языка—нелѣпость; стали понимать теперь, что не стыдиться, а благоговѣть слѣдуетъ предъ этимъ языкомъ, такъ какъ, по выраженію поэта:

На немъ мы призываемъ Бога,
Имъ братья мы въ странѣ родной,
И у послѣдняго порога
На немъ прощаемся съ землей.

Все это мы сказали—для чего? для того, чтобы указать нѣкоторые признаки того, что теперь на Руси наступило болѣе благопріятное время для религіозно-церковнаго обученія народа, время, удобнѣе котораго для духовенства у насъ давно не бывало. О, если бы наше духовенство уразумѣло это и воспользовалось какъ слѣдуетъ переживаемымъ нами историческимъ моментомъ для дѣла религіозно-церковнаго просвѣщенія нашего народа!

Въ настоящую минуту, думаемъ, не излишне отмѣтить хотя нѣкоторыя черты, указывающія на то, какъ духовенство относится къ той миссіи, какая ему указана Царемъ и церковною властью учрежденіемъ церковно-приходскихъ школъ. Кто слѣдилъ за этимъ дѣломъ по современнымъ лѣтописямъ, тотъ могъ замѣтить, что въ ней есть такія свѣтлыя страницы, на которыхъ записаны подвиги самоотверженія лицъ духовныхъ въ дѣлѣ религіозно-церковнаго обученія народа. Говоримъ—подвиги самоотверженія: развѣ не самоотверженіе для небогатаго сельскаго священника, особенно для бѣднаго причетника, взяться за обученіе крестьянскихъ дѣтей безъ всякихъ къ тому сторонныхъ средствъ и пособій? А встрѣчались примѣры, что не только священники, но и причетники покупали для крестьянскихъ дѣтей книги на свой счетъ и половину своего тѣснаго жилища отдавали для помѣщенія школы. Встрѣчались и такія умиляющія душу явленія: почти весь домъ священника наполненъ крестьянскими дѣтьми, самъ онъ, его жена и дочери посвящали большую часть своего досуга обученію дѣтей! Не часты такіе примѣры, какъ и вообще не часты примѣры самоотверженія между людьми, ищущими большею частію только своихъ выгодъ; но важно то, что въ церкви Христовой отъ дней древнихъ и до нынѣ всегда были ревнители просвѣщенія простаго народа; въ этомъ фактѣ—живое доказательство того, что требованіе отъ духовенства, чтобы оно занялось религіознымъ обученіемъ крестьянскихъ дѣтей—не есть требованіе чего-то невозможнаго и невыносимо тяжкаго налога. А таковымъ налогомъ, къ прискорбію, кажется нѣкоторымъ изъ лицъ духовныхъ требованіе, чтобы они занимались религіознымъ обученіемъ крестьянскихъ дѣтей. Таковые прежде всякаго труда по этому дѣлу рѣзко ставятъ вопросъ: „а что будетъ намъ за это?“ Не станемъ осуждать нашу братію за такой вопросъ. Человѣку свойственно желать вознагражденія за свой трудъ. И сами апостолы нѣкогда обращались къ І. Христу съ такимъ вопросомъ: вотъ мы оставили все, говорили они, и пошли въ слѣдъ за Тобой: что же намъ за это будетъ? Господь не осудилъ ихъ за такой вопросъ и обѣщалъ награду, но не близкую, не такую, которую можно сейчасъ же взять и

положить въ сокровищницу... И вѣра преданныхъ Христу удовлетворилась обѣтованіемъ небесныхъ благъ, забывъ о томъ, что на землѣ, въ ближайшемъ будущемъ ихъ ждутъ только скорби, труды, лишенія... Не вправѣ ли общество ожидать такой же вѣры отъ преемниковъ апостольскаго служенія? Не вправѣ ли указать имъ на примѣры такого ревностнаго апостольства, которое не въ платѣ за труды, а въ святости труда *прежде всего* искало для себя лучшихъ побужденій къ нему. Но ужели мы будемъ ожидать, когда паства станетъ назидать пастырей указаніемъ на примѣры самоотверженнаго служенія вѣрныхъ своему долгу истинныхъ пастырей церкви? Не пора ли намъ самимъ серьезно вдуматься въ то, что проповѣдуемъ другимъ, напоминая слова апостола: *„поминайте наставники ваша, иже глаголаша вамъ слово Божіе, подражайте вѣрѣ ихъ“*, подражайте подвигамъ чествуемыхъ нынѣ св. братьевъ Кирилла и Меѳодія. Жизнь ихъ представляетъ одну продолжительную борьбу за славянскую грамоту и за славянскую церковь съ врагами ихъ святой проповѣди. И какое усердіе, какая ревность у нихъ къ апостольскому дѣлу! „Иди, говоритъ императоръ Михаилъ св. Кириллу, иди къ Хазарамъ, повѣдай имъ тайну св. Троицы“. „Если повелишь, царь, то съ радостью пойду — пѣшій и босый, какъ ходили апостолы“. Вотъ въ другой разъ призываетъ императоръ обоихъ братьевъ — Меѳодія и Кирилла и посылаетъ ихъ въ Моравію, куда просили прислать проповѣдниковъ слова Божія. „Вы оба солуняне, говоритъ императоръ, а всѣ солуняне чисто говорятъ пославянски“. Затѣмъ, обратясь къ Кириллу, говоритъ: „Знаю, что ты слабъ и боленъ, но нельзя тебѣ нейти къ Славянамъ: кромѣ тебя некому исполнить то, о чемъ просятъ“. „Слабъ я и боленъ, отвѣчаетъ св. Кириллъ, но съ радостію пойду“. И этотъ-то слабый и больной человѣкъ идетъ къ славянамъ, изобрѣтаетъ азбуку славянскую, переводитъ вмѣстѣ съ своимъ братомъ Меѳодіемъ слово Божіе, учитъ чужеземцевъ — славянъ; сѣмя слова Божія запало глубоко въ эту почву, и вотъ выросло великое древо славянскаго просвѣщенія. Такъ, сила Божія совершается въ немощи человѣческой. Какое же послѣ этого могутъ указать препятствіе къ обученію народа тѣ изъ преемниковъ апостольскаго служенія, которыхъ посылаютъ не къ Хазарамъ, не въ какую либо чужую страну, а въ свой же приходъ,— посылаютъ, не удаляя отъ домашняго очага, не лишая и той „сумы“, въ которой найдется для себя, для жены, для дѣтей и на пищу, и на обувь, и на такую хорошую одежду, въ какую не облекались апостолы и жены мироносицы. Тутъ ли считаться, когда дѣло идетъ о святомъ долгѣ, о чести цѣлаго духовнаго сословія?!.. Вѣдь теперь и друзья и недруги его, вся Россія смотритъ на него, ожидая — что-то сдѣлаетъ оно въ церковно-приходскихъ школахъ? Минута торжественная! Что же заслужитъ духовенство: честь и славу въ этомъ дѣлѣ, или противное тому? Вопросъ именно такъ стоитъ! Теперь-то именно настала пора духовенству твердо рѣшиться вести дѣло народнаго обученія достойно своего званія, иначе тщетно будетъ и это свѣтлое праздниство. Вся сила его, весь нравственный смыслъ его въ томъ именно и состоитъ, чтобы мы, воодушевившись примѣромъ св. братьевъ, ревностно взялись продолжать ихъ святое дѣло. Ученики семинаріи! Скоро откроется у насъ образцовая церковно-приходская школа; она поставитъ васъ, такъ сказать, подъ самымъ знаменемъ святого дѣла обученія народа. Въ настоящемъ празднествѣ въ честь просвѣтителей славянъ для васъ хорошо понятенъ урокъ, какъ надо держать это знамя. Твердо и честно вы будете держать его въ своихъ рукахъ, если, выступивъ на дѣло народнаго религіозно-нравственнаго обученія, будете думать прежде всего объ этомъ дѣлѣ, о его величіи и святости. Но плохо будетъ держаться это знамя въ вашихъ рукахъ, если прежде всего и больше всего будете думать: а что будетъ вамъ за это?.. Помните, что не что другое, а именно такіе счеты и создали нелестныя для духовенства присловья объ искусствѣ его въ стриженіи овецъ своихъ и о неумѣньи или неохотѣ водить ихъ на пажити духовной. Помните, что нынѣ настало самое благопріятное время для того, чтобы снять это поношеніе съ духовенства, не даромъ прилѣпленное къ нему исторіей... Снять же съ себя этотъ позоръ духовенство можетъ только ревностнымъ служеніемъ въ дѣлѣ религіознаго просвѣщенія народа. Учитесь же служить этому дѣлу! Будемъ молиться св. просвѣтителямъ славянскимъ, да почіетъ на насъ ихъ благословеніе и духъ ревности ихъ къ распространенію и утвержденію въ народѣ св. православной вѣры.

Архимандритъ *Анастасій*.

Рѣчь А. В. Бѣлецкаго, произнесенная 7-го апрѣля 1885 г. на вечерѣ въ залѣ виленскаго дворца.

Маленькіе ручейки даютъ иногда начало громаднымъ рѣкамъ. И маленькіе, незначительные, повидимому, событія сопровождаются иногда результатами громадной важности и становятся міровыми событіями.

Къ такимъ незначительнымъ, повидимому, событіямъ принадлежитъ и призваніе княземъ Ростиславомъ св. солунскихъ братьевъ для устройства славянскаго богослуженія въ Моравіи. Что, повидимому, важнаго въ томъ, что два брата-проповѣдники отправляются въ незначительный уголокъ славянскаго міра и даютъ возможность жителямъ Моравіи слышать богослуженіе на родномъ ихъ языкѣ? Развѣ мало такихъ событій совершалось въ христіанскомъ мірѣ?

Но на тысячелѣтнемъ разстояніи отъ факта призванія св. братьевъ въ Моравію, когда и результаты его у всѣхъ на глазахъ, мы не можемъ уже не видѣть въ немъ событія громадной важности и близоруки были бы мы, если бы видѣли въ немъ лишь дѣло случая.

Восточная церковь никогда не раздѣляла воззрѣнія церкви западной, будто богослуженіе можетъ совершаться лишь на опредѣленныхъ языкахъ. И каждый разъ, когда извѣстный народъ принималъ христіанство отъ проповѣдниковъ церкви восточной, этотъ народъ получалъ право и на національное богослуженіе. Соотвѣтственно такому воззрѣнію на дѣло греческіе императоръ и патріархъ, разумѣется, ничего не могли имѣть противъ желанія моравскихъ славянъ слушать богослуженіе на родномъ языкѣ. Но тутъ представилось для выполненія желанія славянъ особое затрудненіе: у нихъ не было письменъ, не было азбуки. На это то обстоятельство и обратилъ прежде всего вниманіе св. Кириллъ, когда императоръ предложилъ ему отправиться въ Моравію. И вотъ, что отвѣчалъ ему императоръ: „дѣдъ мой и отецъ мой и ины мнози искавше того, и не обрѣли того суть, то какъ азъ могу то обрѣсти. Но, прибавилъ императоръ, аще ты хощеши, то можетъ Богъ тебѣ дати“. Смутился св. Кириллъ. И было отъ чего. Если нѣтъ у народа азбуки, письменъ, то проповѣднику Евангелія всегда нужно имѣть дѣло съ отдѣльными личностями изъ народа. Кончилъ онъ бесѣду съ этими людьми, ушелъ отъ нихъ, и кто же можетъ ручаться, что они не забу-

дутъ преподаннаго, не растолкуютъ сказаннаго въ превратномъ смыслѣ. Будь книга, тогда дѣло иное. Тогда возможна для этихъ людей и провѣрка сомнѣній, и воспроизведеніе сказаннаго имъ проповѣдникомъ и дальнѣйшее утвержденіе новообращеннаго въ преподанной вѣрѣ. Но такіе отмѣченные перстомъ Провидѣнія люди, какъ св. Кириллъ, не останавливаются предъ препятствіями. Препятствіе было вскорѣ устранено, и уже въ Константинополѣ появилась первая рукопись на славянскомъ языкѣ. И заключала въ себѣ эта рукопись переводъ отдѣльныхъ частей той книги, выше которой нѣтъ на землѣ, Евангелія Іоанна.

Когда славянская азбука была, такимъ образомъ, открыта, когда уже въ Константинополѣ сдѣланъ и опытъ перевода св. Писанія съ греческаго языка на славянскій, дѣло св. братьевъ въ Моравіи значительно упростилось. Нужно было лишь неутомимо продолжать начатое дѣло. Св. братья и передались ему со всѣмъ жаромъ людей, убѣжденныхъ въ величіи совершаемаго ими дѣла, т. е. людей, способныхъ совершить изумительные подвиги. И если не св. изобрѣтателю азбуки, то его блаженному брату Промыслъ судилъ видѣть окончаніе перевода св. Писанія на славянскій языкъ.

И что это вышелъ за переводъ! Не писатель IX—X вѣка, а современный ученый говоритъ о немъ: славянскій переводъ св. Писанія, какъ вышелъ онъ изъ подъ пера Меѳодія, переводъ художественный, образцовый, ибо онъ близокъ къ своему греческому оригиналу, и въ тоже время свободный, благородный...

Св. братья, переводя на славянскій языкъ св. Писаніе, имѣли въ виду, главнымъ образомъ, удовлетвореніе желанія славянъ знать и изучать слово Божіе. По мѣрѣ того, какъ переводъ св. Писанія подвигался впередъ, незамѣтно, такъ сказать, и для самихъ тружениковъ шло впередъ и другое величайшее ихъ дѣло—дѣло образованія литературнаго общеславянскаго языка.

Славяне временъ Кирилла и Меѳодія не имѣли общаго языка. Каждое племя говорило своимъ нарѣчіемъ, нѣсколько отличающимся отъ другихъ славянскихъ нарѣчій. И такъ какъ ученики св. Меѳодія принадлежали не одному славянскому племени, такъ какъ въ числѣ ихъ были и мораване, и словаки, и словинцы, и болгары, и наконецъ, пришедшіе съ святыми братьями македонцы, то весьма естественно, что въ общихъ рабочихъ кельяхъ этихъ Климентовъ, Наумовъ, Гораздовъ при переводѣ свящ. Писанія на славянскій языкъ нерѣдко происходилъ живой обмѣнъ мнѣній объ употребленіи того или другого реченія, той или другой грамматической формы, того или другого способа начертаній извѣстнаго звука или слова. Пришлымъ македонцамъ естественно было настойчиво отстаивать и защищать чистоту *своихъ* формъ и оборотовъ, и за ними не разъ, конечно, оставалось послѣднее слово, не въ силу только того, что общій учитель говорилъ македонскимъ нарѣчіемъ, но и въ силу того, что во многихъ случаяхъ они встрѣчали поддержку со стороны товарищей ихъ словинцевъ княжества Коцела: эти нарѣчія очень сходны между собою. Но нельзя было игнорировать и заявленій мораванъ. Частью съ намѣреніемъ, дабы быть понятнѣе новой средѣ, а частію невольно и безсознательно, подъ неизбѣжнымъ и неотразимымъ вліяніемъ этой среды, переводчики свящ. Писанія мало-по-малу должны были воспринимать въ свою устную и письменную рѣчь новые обороты и выраженія, необычные въ Македоніи и необходимые въ жизни славянъ, обитателей Моравскаго княжества. Такъ, въ недолговременный, но плодотворный періодъ дѣятельности св. братьевъ въ Моравіи положено твердое начало образованію письменнаго церковнаго языка нашего, разговорнаго и книжнаго органа образованныхъ ученыхъ славянъ изъ различныхъ племенъ и земель. Этотъ языкъ переставалъ быть въ собственномъ смыслѣ слова языкомъ македонскихъ славянъ, но въ то же время онъ не былъ языкомъ чисто-моравскимъ или словинскимъ. Это былъ общій славянскій языкъ, который легко понималъ каждый славянинъ.

Такимъ образомъ, славянскимъ племенамъ не только открывался доступъ къ источнику жизни, но и создавался первый въ Европѣ литературный языкъ, языкъ достаточно богатый и точный для того, чтобы имъ могъ быть выраженъ весь запасъ идей тогдашняго времени. Славянамъ одновременно открывался доступъ и къ христіанству и къ національной образованности.

Что за дивная перспектива открывалась славянству!

Изъ сказаннаго уже видно, какой гигантскій трудъ совершенъ былъ св. братьями, особенно св. Меѳодіемъ. Но и этимъ не ограничиваются ихъ права на благоговѣйную благодарность къ нимъ со стороны славянъ. Они не только указали различнымъ славянскимъ племенамъ путь ко Христу посредствомъ перевода св. Писанія, они сами же и послужили широкому распространенію христіанства между славянами. Дивны пути Промысла Божія! И четверти вѣка не продолжалось въ Моравіи апостольское служеніе не только св. Кирилла, но и св. Меѳодія, а между тѣмъ сколько сдѣлано ими для распространенія христіанства между славянами.

Когда они пришли въ Моравію, они застали еще язычество въ нѣкоторыхъ уголкахъ этого небольшаго тогда княжества, и на всемъ громадномъ пространствѣ, занятомъ славянами, уже христіанами, нигдѣ не раздавалась хвала Богу на родномъ славянскомъ нарѣчіи. Когда отходилъ къ Господу св. Меѳодій, и на берегахъ Адріатическаго моря, и въ предѣлахъ Боривоя, и на Вислѣ, и во всемъ Моравскомъ княжествѣ, широко раздвинувшемъ тогда свои предѣлы,

Молитва славянская громко звучала
И національный славянскій
Клиръ, воспѣвая небесную славу,
Звалъ милость Господню...
На Лабу, Мораву, на дальнюю Саву,
На шумный и синій Дунай.

Все великое, выходящее изъ ряда вонъ, естественно привлекаетъ къ себѣ вниманіе человѣка, и при видѣ поражающаго его явленія онъ невольно ставитъ вопросъ: да какъ же это явленіе могло возникнуть? Въ самомъ дѣлѣ, какъ могло случиться, что въ періодъ дѣятельности св. братьевъ такъ широко раздвинулись предѣлы христіанства въ земляхъ, заселенныхъ славянами?

Очень много значила въ этомъ случаѣ расположенность тогдашняго славянства къ воспринятію христіанства и грамотности и приверженность къ своему родному языку. Умное племя славянское вообще легко воспринимало христіанство, въ особенности, когда изученіе истинъ вѣры соединялось съ обученіемъ грамотности и именно грамотности славянской. Посмотрите на тогдашнихъ князей славянскихъ. И Ростиславъ, и Коцелъ, люди уже зрѣлаго возраста, охотно садятся за славянскую азбуку вмѣстѣ съ дѣтьми. А этотъ

старецъ Борисъ, князь болгарскій, съ такой охотой учащійся славянской грамотѣ, развѣ это не лучшая иллюстрація той расположенности славянъ къ изученію науки, о которой я только что сказалъ? Такой народъ, рвущійся къ просвѣщенію, конечно трудно было удовлетворить богослуженіемъ не понятнымъ ему, хотя и христіанскимъ. Когда же солунскіе братья вмѣсто pater noster запѣли Отче Нашъ и вмѣсто credo провозгласили Вѣрую, народъ понялъ ихъ, уразумѣлъ смыслъ словъ и изъ язычника или полухристіанина сталъ христіаниномъ, готовымъ защищать не только родную вѣру, но и тѣхъ, которые научили его этой вѣрѣ.

Еще въ большей зависимости стояла быстрота распространенія христіанства отъ личности обоихъ св. братьевъ. Не знаешь, кто изъ нихъ горѣлъ болѣе пламенною любовію къ славянамъ и тому божьему дѣлу, которое они совершали. Если св. Кириллъ, при жизни своей, оставляетъ какъ будто нѣсколько въ тѣни своего старшаго брата, то послѣ смерти его нравственный обликъ св. Меѳодія и изъ тысячелѣтней дали представляется въ такомъ свѣтломъ ореолѣ, который окружаетъ голову только избранныхъ изъ избранныхъ. Возьмемъ одну только черту нравственнаго характера его. Онъ любилъ больше всего тихую иноческую жизнь; въ моментъ смерти св. Кирилла онъ по опыту хорошо зналъ, что дѣятельность въ Моравіи сопряжена съ страшными затрудненіями, непріятностями, лишеніями и, не смотря на все это, онъ остается вѣренъ завѣту своего брата, возвращается изъ Рима не на любимую гору Олимпъ, а туда же, откуда онъ пришелъ съ братомъ, въ ту Моравію, гдѣ предстоитъ ему выстрадать такъ много. Какую громадную нужно имѣть силу воли, какую пламенную любовь къ славянамъ и какое самоотверженіе, чтобы сдѣлать такой шагъ. И, однако-жъ, такой шагъ сдѣланъ св. Меѳодіемъ. Какихъ же результатовъ не могли достигнуть такіе проповѣдники? Но всего то болѣе надлежитъ искать причины быстраго распространенія христіанства, въ тѣхъ неожиданныхъ сцѣпленіяхъ обстоятельствъ, сцѣпленіяхъ всего менѣе случайныхъ для вѣрующаго ума, которыми такъ богата жизнь св. братьевъ. Я слегка укажу лишь нѣкоторыя изъ нихъ. Не долго св. братьямъ пришлось потрудиться въ мирѣ и спокойствіи.

Едва прошло четыре года дѣятельности въ Моравіи, какъ имъ нужно отправляться въ далекое путешествіе въ Римъ. Св. Кириллъ тамъ и скончался, а его блаженному брату пришлось еще два раза побывать въ Римѣ. Казалось бы, утомительныя путешествія въ Римъ — время потерянное для проповѣди Евангелія, какъ думалось и самимъ св. братьямъ, но не такъ вышло. Во время этихъ путешествій св. Меѳодій встрѣчалъ по пути массы славянъ, и эти путешествія, предпринимаемыя ради дѣлъ, обращались въ апостольскія путешествія. Этимъ то путешествіемъ славяне пріадріатическіе и обязаны своимъ обращеніемъ ко Христу и усвоеніемъ славянскаго богослуженія. Послѣ смерти своего брата св. Меѳодій возвращается въ Моравію. Но когда онъ пришелъ въ Паннонію, онъ имѣлъ случай убѣдиться, что возвратъ въ Моравію для него невозможенъ: вся Моравія объята была пламенемъ войны. Гдѣ же ему преклонить голову? Гдѣ же, какъ не въ Паннонія, князь которой относится къ св. учителю съ такой сыновней почтительностію, гдѣ такъ силенъ славянскій элементъ, гдѣ же такъ много можно сдѣлать для развитія и упроченія національной славянской церкви? Да, все это такъ. Но что-жъ такое сама Паннонія временъ Коцела?

Это славянское государство, образовавшееся совершенно случайно. Власть нѣмцевъ въ Панноніи никто никогда не оспаривалъ и лишь приливу добраго чувства нѣмецкаго государя Коцела обязанъ былъ тѣмъ, что въ 848 г. получилъ въ свою власть Паннонію. Съ утвержденіемъ Святополка на престолѣ Моравскаго княжества предѣлы княжества раздвигаются, какъ никогда. Св. Меѳодій переходитъ опять въ Моравію, и вотъ тутъ то начинается его обширная дѣятельность по обращенію въ христіанство новыхъ подданныхъ Святополка и пограничныхъ съ Моравіей славянъ. Въ это то время и въ Польшѣ появляются ученики Меѳодія и распространяютъ здѣсь православіе, памятникъ котораго въ Краковѣ (церковь св. Креста) оставался до 14-го вѣка!

Такъ, въ періодъ дѣятельности св. братьевъ въ Моравіи занялась надъ западнымъ славянскимъ міромъ свѣтлая заря, предвѣщавшая, казалось, теплый солнечный день, заря православія, заря просвѣщенія, заря единенія славянъ на основѣ вѣры и языка.

Но увы, этотъ день не наступилъ. Едва лишь разгорѣлась заря, едва лишь показалось солнце, какъ надъ бѣдной Моравіей и Панноніей стали собираться черныя тучи.

Полетъ генія славянскаго на зарѣ исторической жизни славянства былъ такъ смѣлъ, что западный сосѣдъ славянства невольно почувствовалъ въ сердцѣ тревогу. И уже св. Меѳодію пришлось слишкомъ много выстрадать отъ нѣмецко-римскихъ епископовъ. Со смертію св. Меѳодія силы и энергія враговъ его дѣла удвоились. И не успѣли еще ученики перваго и единственнаго православнаго архіепископа Панноніи и Моравіи оплакать своего учителя, какъ является злобный Вихнигъ, вооруженный буллой папы Стефана VI. Съ приходомъ его въ Моравію настаютъ тяжелыя времена для только что основанной славянской православной церкви. Славянское богослуженіе пріостанавливается, а Горазда и прочихъ учениковъ св. Меѳодія заключаютъ въ темницу, подвергаютъ ихъ жестокимъ страданіямъ и, наконецъ, насильственно изгоняютъ. Прошло еще около 20 лѣтъ и страшная волна мадьярскаго нашествія залила Паннонію и Моравію. Еще прошло нѣсколько десятковъ лѣтъ и папа Бенедиктъ VII уничтожаетъ уже оффиціально существованіе Паннонско-Моравской архіепископіи.

Уничтожается мало-по-малу славянское богослуженіе и въ другихъ славянскихъ мѣстностяхъ въ Западной Европѣ, гдѣ св. Меѳодіемъ и его учениками насаждено было православіе. Мысль, будьто можно отправлять богослуженіе на славянскомъ языкѣ папство открыто и оффиціально называетъ заблужденіемъ, славянскую азбуку готской азбукой, изобрѣтенной какимъ то аріаниномъ, а св. Меѳодія клеймитъ именемъ еретика...

Что же осталось отъ дѣла, совершеннаго св. братьями?

На западѣ одно лишь воспоминаніе о дѣятельности ихъ когда то, и то не вездѣ. Сильнѣе оно, конечно, осталось въ Моравіи, въ особенности въ окрестностяхъ Велеграда, гдѣ, по народному вѣрованію, св. Меѳодій неоднократно являлся людямъ. И какія скорбныя чувства возбуждаетъ въ человѣкѣ мыслящемъ это воспоминаніе. Чтобы показать это, я позволю себѣ прочитать въ русскомъ переводѣ одно славянское стихотвореніе „Къ Нитрѣ“. Замѣчу мимоходомъ, что Нитра одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ княжества Моравскаго. Вотъ это стихотвореніе:

Нитра, милая Нитра; ты высокая Нитра! Гдѣ же то время, когда ты цвѣла? Нитра, милая Нитра, ты мать

славянская! Какъ посмотришь на тебя, хочется заплакать: ты была когда то всѣмъ странамъ голова, по которымъ протекаютъ Дунай, Висла и Морава; ты была столицей короля Святопулка, когда здѣсь властвовала его мощная рука; ты была святымъ градомъ Меѳодія, когда онъ здѣсь нашимъ отцамъ проповѣдывалъ Божіе слово; а теперь вся твоя слава лежитъ скрытая въ тѣни...

Такъ мѣняются времена, такъ идетъ свѣтъ!

Обратимся теперь къ востоку и югу славянщины.

Изгнанные изъ Моравіи, ученики св. Меѳодія перешли Дунай и нашли себѣ пріютъ въ Болгаріи, тогда уже христіанской странѣ. И сторицей отблагодарили эти изгнанники ту страну, которая дала имъ пріютъ. Подъ благотворнымъ ихъ вліяніемъ тамъ пышно расцвѣтаетъ письменность славянская и славянскій міръ обогащается не только переводными, но и самостоятельно болгарскими твореніями.

Изъ Болгаріи вмѣстѣ съ христіанствомъ переходитъ просвѣщеніе и въ наше отечество, и ему выпадаетъ завидная доля—всецѣло вступить въ наслѣдство св. братьевъ и ревниво оберегать его и для себя, и для всего славянскаго міра. И никто не можетъ оспаривать нашихъ правъ на наслѣдство св. братьевъ. Ихъ вѣра стала нашей вѣрой; ихъ азбука и ихъ переводъ св. Писанія усвоены нашими предками вполнѣ. Тотъ языкъ, на которомъ они передавали своимъ современникамъ глаголы живота вѣчнаго, сталъ нашимъ языкомъ. Правда, онъ измѣнился нѣсколько подъ вліяніемъ русскаго языка, но и съ своей стороны оказалъ сильнѣйшее вліяніе на нашъ языкъ и настолько проникъ его, что славянской стихіи въ русскомъ языкѣ не удастся вырвать никакимъ пуристамъ и поборникамъ чистой народности языка. Перешли къ намъ и богослужебныя книги славянскія, полюбилъ ихъ народъ нашъ. Воспріяла въ свое наслѣдіе русская церковь и ту идею, которая одушевляла св. просвѣтителей нашихъ въ теченіе всей ихъ жизни, идею, по которой всякій народъ имѣетъ право на переводъ св. Писанія на родной его языкъ, на національное богослуженіе. Посмотрите на югъ, сѣверъ и востокъ русской державы, и сколько найдете вы народцевъ, которые прославляютъ Бога на своихъ языкахъ, которые вмѣстѣ съ христіанствомъ получили отъ русскихъ миссіонеровъ и грамотность. Развѣ это не продолженіе дѣла св. братьевъ?

Прошло тысячелѣтіе со дня блаженной кончины св. Меѳодія. Въ теченіе его православная Россія была вѣрнымъ стражемъ завѣщаннаго ей наслѣдствія, и эта вѣрность завѣту славянскихъ апостоловъ болѣе всего поддерживала въ русскомъ народѣ и національное самосознаніе и чистоту вѣры.

Въ этотъ тысячелѣтній періодъ Россіи приходилось испытывать по временамъ такія бѣдствія, которыя въ состояніи были бы сломить всякій народъ и, однакожъ, русскій остался русскимъ. Вспомнимъ татарское иго. Лишенный средствъ образованія, подъ постояннымъ страхомъ татарскаго нашествія, русскій народъ, казалось, долженъ былъ одичать, слиться съ татарами. Но у этого народа была церковь. Онъ не слышалъ школьной мудрости, его духовные пастыри были въ большинствѣ еле грамотны, но въ храмахъ божіихъ онъ слышалъ на своемъ языкѣ слово Божіе, священныя пѣсни и учился какъ ему жить... Не поколебала его устойчивости и борьба съ Польшей, стремившейся навязать ему западно-римскую культуру. Онъ крѣпко держалъ знамя св. Кирилла и Меѳодія и въ концѣ концовъ вышелъ побѣдителемъ, сохранивъ свою самобытную культуру и политическую независимость. Божій храмъ, гдѣ онъ чувствовалъ себя русскимъ съ головы до ногъ... А вся исторія уніи, развѣ она не служитъ подтвержденіемъ высказанной мысли. Подъ гнетомъ иновѣрной власти русскій народъ въ Литвѣ и Польшѣ могъ сдѣлать уступку — признать надъ собой власть папы, но было выше его силъ отказаться отъ родного богослуженія. Это понятное ему богослуженіе и поддерживало въ немъ сознаніе его близости съ русскимъ народомъ и православной церковію, и вотъ почему, когда внѣшняя преграда, разобщавшая его съ своей древней матерію рухнула, рухнула и унія.

Какъ же не воскликнуть намъ отъ чистаго глубоко-благодарнаго сердца:

Слава Кириллу,
Слава Меѳодію
Братьямъ святымъ.

(Вил. Вѣст.)

Память о свв. славянскихъ первоучителяхъ въ первой напечатанной въ Москвѣ азбукѣ.

Въ виду праздника 6 апрѣля благовременно освѣдомиться: хранилась ли память о свв. славянскихъ просвѣтителяхъ старинными нашими дѣятелями на пользу народнаго просвѣщенія?

Въ отвѣтъ на поставленный вопросъ я познакомлю читателя съ составомъ *первой* напечатанной въ Москвѣ азбуки, извѣстной въ каталогахъ подъ именемъ *Азбуки Ѳедора Бурцова 1632 года*, по прекрасному экземпляру Императорской Публичной Библіотеки.

На выпускномъ листѣ читаемъ: „По повелѣнію Государя и Великаго Князя Михаила Ѳедоровича, всея Русіи Самодержца и по благословенію отца его и богомольца Святѣйшаго Киръ Патріарха Іоасафа Московскаго и всея Русіи начата быша печататися сія книга *Азбуки* въ царствующемъ градѣ Москвѣ въ лѣто 7142 года, мѣсяца іюля въ 6 день, на память отца нашего Сисоя Великаго. Совершена же бывше сія книги *Азбуки* того же лѣта мѣсяца августа, въ 20 лѣто царствованія Государя Царя и Великаго Князя Михаила Ѳедоровича, въ первое лѣто патріаршества отца его и богомольца Киръ Іосифа... *труды и тщанісмъ многогрѣшнаго Василія Ѳедорова Бурцова и прочихъ сработниковъ о Господѣ во вѣки. Аминь*“.

Содержаніе азбуки слѣдующее: послѣ буквъ, складовъ, чиселъ, помѣщенъ *отдѣлъ грамматическій*, носящій своеобразное заглавіе: „Азбука отъ книги осмочастныя сирѣчь грамматики“. Здѣсь между прочимъ указывается значеніе названія буквъ: „Азъ—буки—*буду Азъ.*
Вѣди—вразумляю.
Глаголъ—глаголю.
Живѣте—живу.
Слово—славлю и др.“

За грамматическою частью и словосокращеніями слѣдуетъ, употребимъ современное названіе—*книга для чтенія*, начинающаяся изреченіями на каждую букву алфавита:

А. Азъ есмь всему міру свѣтъ.
Б. Богъ есть прежде всѣхъ вѣкъ.
В. Вижду всю тайну человѣческую.
З. Земля—подножіе ногама Моима.
К. Како совѣщаша на Мя.
Л. Люди мои законопреступніи.
М. Мыслиша на мя злая и пр. Затѣмъ идутъ повседневныя молитвы, отрывки изъ притчей Соломоновыхъ, Апостольскихъ посланій, изъ книги Сираха (о почитаніи родителей), завѣщаніе Товіи сыну. Всѣ эти выборки сдѣ-

ланы съ необыкновеннымъ умѣньемъ и совершенно доступны и понятны дѣтямъ.

Книга для чтенія оканчивается двумя статьями, каждая въ нѣсколько страницъ, посвященными *памяти свв. Кирилла и Меѳодія.*

Первая статья носитъ такое заглавіе: *Сказаніе како состави Кириллъ философъ азбуку по языку словеньску и книги преведе отъ греческаго на словеньскій языкъ.*

Вторая статья—это *похвала св. Кириллу.*

Сказаніе о составленіи азбуки проникнуто чувствомъ высокаго патріотизма, благоговѣнія и благодарности мудрому изобрѣтателю славянскихъ письменъ.

Сопоставляя трудъ семидесяти толковниковъ по переводу Библіи на греческій языкъ, авторъ „сказанія" говоритъ: „Семьдесятъ мужей много лѣтъ переводили съ жидовскаго языка на греческій священныя книги по повелѣнію Египетскаго царя Птоломея. А св. Кириллъ *добровольно, одинъ* въ немного лѣтъ перевелъ съ греческаго на славянскій. *Славянскія письмена суть честнѣйша и святѣйша, святъ бо мужъ сотворилъ я есть. А греческія Еллини погани!*" восклицаетъ въ порывѣ патріотической гордости сказатель. „Если кто спроситъ, повѣствуется далѣе, у Грековъ: *кто* вамъ изобрѣлъ буквы и *когда?* Мало кто знаетъ объ этомъ. Если же спросить у словенскихъ букварей, кто вамъ изобрѣлъ буквы и перевелъ свв. книги? то всякій знаетъ и отвѣтитъ такъ: „святый Константинъ философъ, нарицаемый Кириллъ, тотъ намъ изобрѣлъ буквы и перевелъ книги, и Меѳодъ (sic) братъ его епископъ Моравскій. И если спросить: *въ какое время?* И отвѣчаемъ: по седьмомъ соборѣ въ 44 лѣто, во времена Михаила царя Греческаго и матери его Ѳеодоры, которые утвердили православную вѣру, и Бориса, князя Болгарскаго, и Растица (Ростислава), князя Моравскаго, и Костеля, князя Блатинскаго, въ лѣто отъ созданія міра 6363".

„Есть такіе, продолжаетъ авторъ *Сказанія*, которые говорятъ о славянскихъ письменахъ, что ихъ не Богъ, ни Ангелъ создалъ. Такіе окаянные люди не знаютъ что говорятъ.

„Еще они говорятъ что въ Евангеліи сказано, будто надпись (титла) на Крестѣ были написаны еврейскими, греческими и латинскими буквами, а *славянскихъ тамъ нѣтъ*, и изъ этого заключаютъ, что *славянскія книги не отъ Бога.* Что скажемъ въ отвѣтъ на слово этихъ безумныхъ? Скажемъ словами св. Писанія. „Псаломникъ глаголетъ: *Хвалите Господа вси языци и похвалите Его вси людіе*, а не единѣмъ тремя письмены и языки, якоже они баснословятъ".

Въ самомъ наименованіи первой славянской буквы *азъ*, сравнительно съ первою буквою еврейскаго и греческаго алфавита, авторъ „Сказанія" находитъ доказательство божественнаго происхожденія, превосходства славянскихъ письменъ надъ другими и великой мудрости ихъ изобрѣтателя: „у жидовъ первая буква называется *алефъ*, что значитъ *чтеніе*, какъ бы хотятъ сказать ребенку, начинающему учиться: „учися!" Въ подражаніе Жидамъ и Греки назвали первую букву *алфа*, что значитъ *ищи*, какъ бы говоря ребенку ученику: „ищи!"

„Святый же Кириллъ назвалъ первую букву *азъ*, и это названіе знаменуетъ что славянскія письмена ведутъ начало *отъ Самого Бога*, Который какъ бы говоритъ отъ Себя: *Азъ буду къ вамъ*, то есть *Я Самъ далъ эти письмена роду словенску на отверзеніе устъ, въ разумъ дѣтемъ, учащимся буквамъ* *)".

*) Въ азбукѣ Бурцова названіе первыхъ аукв *азъ,бу-ки* и самое слово *буква*—толкуется такъ: *Азъ* (*я*) *бу*(ду) *к*(ъ) *ва*(мъ)—*Я буду къ вамъ*, т.-е. *на помощь при обученіи.*

Таково содержаніе (приводимое мною въ сокращеніи и переводѣ) сказанія объ изобрѣтеніи славянской азбуки.

Не посѣтуютъ читатели, если вторую статью, посвященную св. Кириллу *Похвалу*, то-есть *Похвальное слово ему*—я приведу буквально и сполна:

„Господь посла намъ на просвѣщеніе о еже бы ему просвѣтити и научити насъ таковымъ ученіемъ и разумѣніемъ. Помяну того въ концѣ сей азбуки, ему же и похвала въ ней, мужа свята и премудра учителя и вождя добра Константина, наречена въ иноческомъ чину Кирилла философа, иже изложи намъ словенскій нашъ діолектъ, сирѣчь русскій языкъ и грамоту. Потомъ той же Кириллъ философъ преложи многи книги зъ греческаго языка на нашъ руській языкъ, ими же нынѣ наши христіанскія святыя церкви исполняются и красуются, и Христосъ Богъ въ нихъ славится и познавается и прославляется и Пречистая Его Матерь и вси святіи. И паки малыя отрочата учатся и вразумляются, и аки по лѣствицѣ отъ нижнія степени на вышнюю восходятъ и потомъ паки вяще учнутъ разумѣвати и славить Бога".

Такъ наши первые составители книгъ для дѣтскаго чтенія и обученія были вѣрны духу благодатному равноапостольнаго изобрѣтателя славянскихъ писменъ; обучая „отрочатъ" грамотѣ, старинные наши дидаскалы, какъ Бурцевъ и его „сработники", честно и свято правили свое дѣло просвѣщенія Русскаго народа, высоко держа и развѣвая хоругвь съ ликами свв. Первоучителей предъ очами своихъ учениковъ.

На знамени развѣвавшемся надъ древнею народною русскою школой ярко сіяла надпись: „Да учащеся дѣти писменъ чтенію, купно обыкнутъ молитися Господу Богу о всяческихъ нуждахъ, и славу Ему возсылать о дѣяніи благъ присно творимыхъ: и да обычай сей взглубитъ кореніе свое въ сердцахъ ихъ, еже бы оному пребывать въ нихъ до кончины живота" *).

Съ каждой строки старинной учебной книги, подобной *Азбукѣ Бурцова*, вѣяло на русскаго ребенка-ученика благодатію разума, цѣломудрія, благоговѣнія предъ величіемъ святыхъ подвижниковъ на пользу церкви и отечества,—вѣяло чувствами высокими и святыми, которыя съ первою выученною буквой вглублялись въ мягкое сердце русскаго дитяти.

Здѣсь, въ *подобной* школѣ, въ *такомъ* обученіи надо искать *корени* изъ котораго *прозябли* великіе люди Русской земли: Донскіе, Пожарскіе, Палицыны, Гермогены, Минины, Филареты.

Такая *учебная книга* воистину была святыней и для отцовъ и для дѣтей; какъ предъ святыней въ старину крестились ученики, начиная урокъ свой, и какъ святыню цѣловали, оканчивая часъ занятія по такой книгѣ.

Устраивая школу возлѣ церкви, подъ ея кровомъ, наши предки иначе не мыслили школьнаго обученія какъ только въ духѣ вѣры, церкви и любви къ отечеству.

Русскій простолюдинъ, вѣрный отеческимъ преданіямъ, и *въ наши дни такъ же* смотритъ на обученіе, и въ книгѣ, по которой учится его сынъ грамотѣ, ищетъ „*божественнаго*", то-есть библейскихъ разсказовъ, жизнеописаній святыхъ, сказаній о страданіяхъ мучениковъ и непремѣнно на славянскомъ языкѣ. Впечатлѣніе такого духовно-нравственнаго чтенія сильно и глубоко.

Перенося нашъ взоръ съ *первопечатной* русской азбуки, отъ которой вѣетъ „*благодатію поученія*", на современные буквари и книги учебныя для народныхъ училищъ, мы увидимъ что между первою и послѣдними *велика пропасть утвердися*!

Глухіе къ завѣтамъ родной старины, порвавшіе давно

*) Предисловіе къ *Часослову*.

связь съ отеческими преданіями, мы, современные педагоги, не обинуясь можно сказать, подаемъ нашимъ „отрочатахъ"—ученикамъ вмѣсто „*хлѣба* и *рыбы*", „*камень* и *змѣю*" въ нашихъ *букваряхъ* и *первыхъ книгахъ для чтенія*.

Чѣмъ наполняются наши буквари и книги? Какой добрый слѣдъ въ юной впечатлительной душѣ могутъ оставить, какое чувство святое пробудить эти безчисленныя побасенки про находчиваго Цыгана, догадливаго Татарина, эти прибаутки, загадки, поговорки, часто двусмысленнаго содержанія, эти рисунки скелета *лошадиной головы* въ уменьшенномъ и *блохи въ увеличенномъ видѣ?!* *).

Этимъ добромъ между тѣмъ наполнены наши книги для чтенія, имя же имъ легіонъ **).

Въ послѣднее время повсемѣстно слышится въ обществѣ сознаніе, что воздухъ нашихъ народныхъ училищъ, слишкомъ спертый и душный отъ изобилія реальности, нуждается *въ освѣженіи* посредствомъ введенія въ обученіе *иного духовнаго* начала.

Нельзя не привѣтствовать такого благодѣтельнаго поворота во взглядѣ нашего общества на народную школу, во взглядѣ многознаменательно совпадающемъ по времени съ наступившимъ тысячелѣтіемъ со дня блаженной кончины св. Меѳодія.

Будемъ желать и молиться, да надъ кровлею народной русской школы отнынѣ водрузится и всегда развѣвается хоругвь съ ликами свв. Славянскихъ Первоучителей и священною надписью изображаемою на иконахъ св. Кирилла, изобрѣтателя азбуки: *Начало премудрости— есть боятися Господа.*

Таковъ девизъ былъ и старинныхъ русскихъ учителей и составителей азбукъ, съ Василіемъ Ѳедоровымъ Бурцовымъ и его „сработниками о Господѣ" во главѣ, воспѣвшимъ въ назиданіе учениковъ въ своей книгѣ достойную хвалу святымъ Славянскимъ Первоучителямъ.

(Моск. Вѣд.) *А. Радонежскій.*

— **Изъ м. Супрасля** намъ пишутъ: Праздникъ св. Меѳодія отпразднованъ и у насъ на славу. Народу деревенскаго было столько, сколько собирается въ большіе праздники. Разумѣется о праздникѣ было предваряемо недѣли за двѣ. Да и нѣмцы не остались глухи; фабрики всѣ стояли, и даже никакія другія работы не производились. Ученики обоихъ училищъ, болѣе 150 человѣкъ, присутствовали на богослуженіи, фабриканты тоже. Молебствіе закончено на площади монастыря, послѣ чего роздавалось поученіе архим. Николая, составленное на этотъ день; книжекъ, къ сожалѣнію, не достало и наполовину для всѣхъ присутствующихъ. Затѣмъ былъ актъ въ училищномъ залѣ съ пѣніемъ гимновъ, композиціи Малашкина, и рѣчами наставниковъ. Однимъ словомъ мы все то исполнили, что сказано въ прогрммѣ учебнаго округа. Въ этомъ случаѣ нѣмцамъ нужно отдать честь. Пѣли величаніе св. Меѳодію съ неменьшимъ усердіемъ, какъ и славяне и вообще показали рѣдкое сочувствіе нашему празднеству.

P. S. Чтобы это значило, что католики не праздновали у насъ этого дня? Ксендзъ сказалъ, что онъ не получалъ никакого распоряженія, а потому считалъ себя не вправѣ праздновать.

*) См. *Нашъ Другъ* барона Корфа.

**) Когда началось движеніе въ сторону церковно-славянской грамоты, появляться начали буквари на церковно-славянскомъ языкѣ и въ нихъ помѣщаются пословицы: *Ѳедотъ а не тотъ, Ѳедулъ губы надулъ*, напечатанныя *церковными буквами*.

— **Изъ г. Видзы.** Здѣсь, въ Видзахъ, мы отпраздновали 6-е апрѣля торжественно, какъ могли и съумѣли. Многаго сдѣлать нельзя было. Но еще покойный мой батюшка говаривалъ мнѣ: „лучше дѣлай, сынку, не много, да добре, чѣмъ много, да абы якъ?

Еще ко всенощной 5 апрѣля сверхъ всякаго ожиданія, собралось въ церковь богомольцевъ столько, что церковь наша едва могла вмѣстить ихъ: тутъ были и католики и старообрядцы, а также ученики и ученицы Видзскихъ народныхъ училищъ. Всѣ молились благоговѣйно. Къ сожалѣнію ожидаемая нами изъ Петербурга икона св. Кирилла и Меѳодія еще не получена. Ее замѣнили мы бумажной иконой, присланной чрезъ благочиннаго изъ духовной консисторіи при жизнеописаніи святыхъ братьевъ. Эту икону я наклеилъ на картонную бумагу, положилъ подъ стекло и оклеилъ въ рамку изъ цвѣтной бумаги. Эту икону предъ началомъ всенощной я освятилъ и во время всенощной вынесъ изъ алтаря на средину церкви и положилъ на предуготовленномъ столикѣ, на большомъ раскрытомъ евангеліи. Это старое евангеліе было мною раскрыто на первомъ зачалѣ евангелія отъ Іоанна, такъ что богомольцы цѣловали и божественныя слова, первоначально начертанныя св. Кирилломъ и Меѳодіемъ: „Въ началѣ бѣ слово..." и святыя руки начертавшія эти слова. „Самъ Богъ вдохнулъ вамъ, батюшка, эту счастливую мысль—такъ предложить намъ для поклоненія святымъ угодникамъ",—сказалъ мнѣ одинъ изъ Видзскихъ богомольцевъ.—„Когда я прикладывался къ святому евангелію и цѣловалъ ликъ святыхъ угодниковъ, мнѣ казалось, что душа моя существовала тысячу лѣтъ и я въ первый разъ удостоился лобызать святые глаголы живота вѣчнаго... Съ такимъ благоговѣніемъ припалъ я къ святынѣ...

Сокровища роднаго слова,
Такъ легкомысленно, увы!
Для испытанія чужаго
Доселѣ пренебрегали мы!.."

Св. евангеліе и св. икона оставались среди церкви со вчерашняго вечера до окончанія службы сегодняшняго дня; поэтому въ продолженіе всего этого времени царскія врата оставались раскрытыми какъ на пасху. Евангеліе во время литургіи я читалъ, обратясь къ народу и по прочтеніи евангелія тотчасъ прочиталъ пролученное мною вчера воззваніе Св. Синода. Это воззваніе всѣ находившіеся въ церкви слушали какъ благовѣстіе съ небеси съ глубокимъ чувствомъ благоговенія. Всѣ, какъ одинъ человѣкъ, казалось, дыханіе въ себѣ притаили—такая была тишина въ церкви. Такія минуты оставляютъ послѣ себя неизгладимыя впечатлѣнія.

Въ концѣ литургіи я произнесъ свою бесѣду, окончивъ ее слѣдующею молитвой свв. Меѳодію и Кириллу: „Святые равноапостольные Меѳодіе и Кирилле! Вы тѣломъ были человѣки, а житіемъ ангелы. Уста ваши, какъ уста Серафимовъ, славили пресвятую Троицу. Правовѣрное ученіе Ваше славянъ просвѣтило. Тысячу лѣтъ молитвами Вашими спасались отцы наши. Молимъ Васъ изъ глубины сердецъ нашихъ не оставляйте насъ и въ грядущія времена. Вы много потрудились для спасенія отцевъ нашихъ, за нихъ же претерпѣли Вы и тяжкія напасти и муки отъ звѣроправныхъ иноплеменниковъ. Мы—плоть отъ плоти и кость отъ костей возлюбленныхъ Вами славянъ,—молимъ Васъ, научите насъ творить дѣла угодныя Богови, дабы всѣ племена славянскія, видя наши добрыя дѣла, соединились еди-

подушіемъ и единомысліемъ въ правой вѣрѣ. Вы изъ мрака невѣдѣнія вывели отцевъ нашихъ, просвѣщайте и насъ свѣтомъ правды и истины. Спасайте насъ отъ напастей и бѣдъ. Исцѣляйте недуги наши душевные и тѣлесные! Станьте необоримою стѣною противъ навѣтовъ и козней враждующихъ противъ насъ супостатовъ, а Благовѣрному Императору нашему Александру Александровичу, какъ Верховному Вождю возлюбленныхъ Вами славянъ на сопротивныя споборствуйте! Да святыми молитвами Вашими споможествуемые поживемъ безъ грѣха въ тишинѣ и мирѣ, непрестанно славословя воздѣланнымъ Вами славянскимъ словомъ Творца Вседержителя и Бога нашего нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь".

Затѣмъ розданы оттиски моего поученія. Оттиски эти вмѣстѣ съ экземплярами житія святыхъ угодниковъ Кирилла и Меѳодія я роздалъ грамотнымъ прихожанамъ. Многіе раскольники тоже изъявили желаніе получить ихъ, нѣкоторые даже просили дать имъ и другой экземпляръ, чтобы послать своимъ роднымъ, жительствующимъ въ другихъ губерніяхъ. Это весьма утѣшительно. Нужно идти на встрѣчу этому доброму со стороны ихъ движенію. Нужно намъ ковать желѣзо, пока оно горячо, а покойный мой батюшка, говоря эту пословицу, всегда добавлялъ: „желѣзо надо ковать и раньше, чтобы сдѣлать его горячимъ". Молебное пѣніе св. просвѣтителямъ нашимъ мы служили посреди церкви предъ ихъ иконою, окончивъ оное провозглашеніемъ обычнаго многолѣтія.

Но свв. братья просвѣтители не раздѣляли церкви отъ школы, а потому и праздиество въ память ихъ совершалась не только въ церкви, но и въ стѣнахъ школы. Нашъ учитель *), дай Богъ ему много лѣтъ здравствовать, устроилъ для своихъ питомцевъ праздникъ такъ трогательно, что они до смерти его не забудутъ. Когда мы вошли въ классъ здѣсь уже были ученики и ученицы въ отдѣльныхъ группахъ мальчики по лѣвую сторону, а дѣвочки по правую. Стѣны класса изящно были задрапированы зеленью вѣтками елки. Особенно ефектно были украшены искуственными цвѣтами, нарочно для этого заготовлеными въ женскомъ училищѣ, икона училищная и портретъ Государя. Подъ иконою наше вниманіе привлекали двѣ буквы: М. и К., весьма изящно сдѣланныя изъ искуственныхъ цвѣтовъ. Когда всѣ приглашенные гости вошли въ классъ, дѣти стройно пропѣли: „Христосъ воскресе..." и тропарь св. Кириллу и Меѳодію и величаніе, а также „Возведи окрестъ очи твои Сіоне!" Послѣ чего учитель сказалъ прочувствованную рѣчь, послѣ которой стройно пропѣли дѣти нашъ родный гимнъ: „Боже, Царя храни"!

И я счелъ своимъ долгомъ сказать нѣсколько словъ къ юнымъ питомцамъ русской школы. Всѣ они большею частію католики. Примѣняясь къ этому я и сказалъ: „Вижу дѣтки, что вы отъ души пропѣли нашъ русскій народный гимнъ и вижу что вамъ пришлись по сердцу и наши церковныя пѣснопѣнія: вы ихъ пѣли съ такимъ пріятнымъ одушевленіемъ... Быть можетъ, когда вы разойдетесь по домамъ, кто либо изъ недобрыхъ людей, которыхъ еще не мало таится въ нашемъ краѣ, станетъ укорять васъ, что вы сегодня порусски славили Бога и чтили русскихъ святыхъ и поэтому отступились отъ своей римско-католической вѣры. Не вѣрте такимъ людямъ и не смущайтесь рѣчами ихъ. Скажите имъ, что такія самыя рѣчи говорили недоброжелатели славянскаго роду племени и тысячу лѣтъ тому назадъ и что папа римскій Адріанъ за это ихъ проклялъ, а богослужебныя книги, изъ которыхъ вы пѣли сего дня св. пѣсни, принялъ отъ просвѣтителей славянскихъ съ честію великою и положилъ ихъ на престолѣ великой церкви св. Петра въ Римѣ, и благословилъ священниковъ славянскихъ отправлять службы Божіи на славянскомъ языкѣ. Сами же вы старайтесь подражать св. братьямъ Меѳодію и Кириллу, живите между собою дружно, какъ они жили между собою и учитесь прилежно преподаваемымъ вамъ наукамъ, какъ и они учились, чтобы быть вамъ и добрыми людьми и вѣрными слугами Русскаго Царя, Покровителя всѣхъ славянъ. Еще пропойте Ему: многая лѣта! И дѣти и взрослыя, кто тутъ были много и много разъ пропѣли: „многая лѣта!" И торжество закончили опять пѣніемъ тропаря святымъ Кириллу и Меѳодію и гимномъ—„Боже, царя храни".

*) Петръ Спиридоновичъ Полозовъ.

Вѣроятно это праздество наше произвело такое громадное впечатлѣніе на народъ, что изъ противнаго намъ лагеря принялись за обычное ремесло—пускаютъ сплетни въ народъ, чтобы хоть этимъ умалить значеніе праздника. Вотъ только что я слышалъ такую исгорію: „Батюшка, говорятъ, что какой то вашъ прихожанинъ, по имени Кириллъ—дожилъ до ста лѣтъ и вотъ на страстной недѣлѣ далъ вамъ тысячу рублей, чтобы вы устроили праздникъ въ честь его патрона, поэтому вы такъ и постарались на счетъ вчерашняго праздника"... Боже! отпусти имъ, не вѣдятъ бо что творятъ! сказалъ я разсказчику.

Протоіерей *А. Адамовичъ.*

ПРИДВОРНАЯ ХРОНИКА.

Въ субботу, 6-го сего апрѣля, въ день исполнившагося тысячелѣтія блаженной кончины св. Меѳодія, архіепископа моравскаго, Ихъ Императорскія Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица, съ Ихъ Императорскими Высочествами Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ Николаемъ Александровичемъ и Великимъ Княземъ Георгіемъ Александровичемъ, прибыли изъ Гатчины въ Петербургъ въ исходѣ двѣнадцатаго часа утра, и со станціи желѣзной дороги прослѣдовали въ Исаакіевскій соборъ, гдѣ были встрѣчены митрополитомъ с.-петербурскимъ и новгородскимъ высокопреосвященнѣйшимъ Исидоромъ со крестомъ и св. водою. Государь Императоръ былъ въ общегенеральскомъ мундирѣ и въ Андреевской лентѣ. По вступленіи Ихъ Императорскихъ Величествъ въ соборъ, началось торжественное молебствіе, которое совершалъ митрополитъ Исидоръ соборне съ членами Святѣйшаго Синода, епископами и новопосвященнымъ во епископа цетинскаго Митрофаномъ, а также другимъ высшимъ придворнымъ и городскимъ духовенствомъ. Пѣли три хора пѣвчихъ: полный придворный хоръ, находившійся на правомъ клиросѣ, и два соединенныхъ хора Александро-Невской лавры и Исаакіевскаго собора, которые занимали лѣвый клиросъ. На молебствіи присутствовали Ихъ Императорскія Высочества Великій Князь Владиміръ Александровичъ съ Супругою Великою Княгинею Маріею Павловною и Сыномъ Великимъ Княземъ Кирилломъ Владиміровичемъ, Великій Князь Алексѣй Александровичъ, Великая Княгиня Александра Іосифовна, Великіе Князья: Николай и Михаилъ Николаевичи съ сыновьями, Дмитрій Константиновичъ, Великая Княгиня Екатерина Михаиловна и нѣкоторыя другія особы Императорской Фамиліи. По окончаніи молебствія Ихъ Императорскія Величества приложившись ко кресту, изволили отбыть изъ собора на варшавскую желѣзную дорогу для обратнаго слѣдованія въ Гатчину. Тѣсно

сплоченная на площади стотысячная толпа восторженно встрѣтила Ихъ Величества, ѣхавшіе въ открытой коляскѣ съ Государемъ Наслѣдникомъ. Во время молебна, чрезъ открытыя двери собора, прозвучало на площади пѣніе соединенныхъ трехъ хоровъ пѣвчихъ: *Побѣды дая ему на сопостаты*, на площади раздалось *ура!* Картина была дивная, сто тысячъ молящихся колѣнопреклонно усердно вторили пѣвшимъ. Нѣтъ пера, нѣтъ красокъ описать народный восторгъ, когда по окончаніи богослуженія Государь Императоръ показался на соборной паперти.

Въ „Голосѣ Москвы" изъ Вильны пишутъ. „Общество Доброхотной Копѣйки" учреждено во времена Александра Львовича Потапова, при участіи его покойной супруги, а потомъ тоже недавно умершей Е. П. Веревкиной. Собственно говоря оно было не учреждено, а возстановлено изъ закрытаго когда-то правительствомъ благотворительнаго общества римско-католическихъ монахинь *моріавитокъ*. Очевидно, причины вызвавшія его къ жизни отличались исключительнымъ характеромъ: онѣ имѣли въ виду ослабленіе значенія виленскаго Св. Духовскаго Братства. Съ такою же цѣлью было открыто у насъ и другое благотворительно-миссіонерское общество Ревнителей Православія. Это послѣднее просуществовало нѣсколько лѣтъ и слилось съ Братствомъ, нисколько его не усиливши, или очень мало, — лучшее доказательство безполезности его открытія; но Доброхотная Копѣйка, благодаря энергической и талантливой дѣятельности покойной Е. П. Веревкиной, не только уцѣлѣло до сихъ поръ, но и получило твердыя и прочныя основы для своего дальнѣйшаго существованія. Покойная покровительница исходатайствовала для него обширное каменное помиссіонерское зданіе и довольно значительныя земли. На средства этого Общества содержится ремесленная школа, и пособія выдаются какъ православнымъ, такъ и иновѣрцамъ; но дѣятельность его въ послѣднее время значительно ослабѣла, и школа пришла въ разстройство. Вообще о нашихъ благотворительныхъ обществахъ слѣдуетъ замѣтить, что только Виленское Св. Духовское Братство печатаетъ ежегодные отчеты о своей дѣятельности; другія же общества, даже располагающія значительными средствами, какъ напримѣръ Dobroczynność, не печатаютъ своихъ отчетовъ и дѣятельность ихъ пребываетъ въ секретѣ или канцелярской тайнѣ.

Въ средѣ мѣстнаго римско-католическаго общества возникло странное недоумѣніе: прикажетъ ли ему правительство служить 6-го апрѣля въ костелахъ торжественную обѣдню въ память славянскихъ первоучителей, или нѣтъ? Если не прикажетъ, то, по убѣжденію многихъ, ея можетъ и не быть...

Если вы заговорите съ ними о положеніи въ краѣ польскаго дѣла, то почти всѣ они единогласно, безъ различія половъ и возрастовъ, постараются убѣждать васъ что западно русскій край есть *край забраный и чисто-польскій*. Они сошлются при этомъ на *Краковскій Часъ*, *Познанскій Дневникъ*, *Край* и другія газеты; сошлются и на авторитеты ученыхъ историковъ и хронистовъ, которыхъ они въ большинствѣ случаевъ не читали, или же читая узнали только то, что мило ихъ самообольщенію и обманчивой мечтѣ. Многіе изъ нихъ будутъ спорить съ вами до истомы и кроваваго поту, и вы не разубѣдите ихъ никакими доказательствами, ни фактами, ни актами... Вы услышите даже отъ нихъ что мѣстныя археографическія коммиссіи (Кіевская, Виленская) существуютъ не для изданія актовъ, а для *фальсификаціи актовъ* (falszowania aktów), хотя до сихъ поръ не было примѣровъ чтобы хоть одинъ полякъ взялъ на себя трудъ провѣрить подозрѣваемый въ фальсификаціи документъ съ актовымъ подлинникомъ: такъ глубоко проникла историческая ложь въ польскую плоть и кровь, что нравственное положеніе поляковъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ слѣдуетъ признать поистинѣ жалкимъ. Но скажите пожалуста что дѣлать?— Прежде всего изучать въ нашихъ школахъ западно-русскую исторію, отвѣтите вы, и я съ вами буду совершенно согласенъ. Намъ нужно изучать мѣстную исторію во всей ея широтѣ и наготѣ, изучать спеціально, при помощи источниковъ первой руки—археологіи, археографіи, этнографіи и вообще памятниковъ западно-русской старины. Положимъ что старыя поколѣнія, уже окаменѣвшія въ своихъ историческихъ заблужденіяхъ, умрутъ съ наслѣдственными пороками; но молодыя поколѣнія не въ силахъ будутъ устоять противъ напора предметной истины и должны будутъ прійти къ ясному сознанію исторической правды. Такимъ образомъ усиленіе преподаванія русскаго языка и спеціальное преподаваніе западно-русской исторіи могутъ быть признаны очень серіозными опорами для нашего нравственнаго вліянія на умы и сердца западно-русской молодежи какого бы то ни было вѣрованія, или происхожденія. Если намъ скажутъ что для осуществленія этой мѣры не предвидится свободнаго учебнаго времени, то мы замѣтимъ что развитіе сознанія нашего національнаго положенія на окраинахъ имѣетъ гораздо большее значеніе нежели изученіе черченія, рисованія и необязательныхъ предметовъ на которые теряется очень много учебнаго времени. Согласитесь что Москва и Вильна находятся въ совершенно различныхъ условіяхъ къ изученію русскаго языка и русской исторіи; тѣмъ не менѣе и тамъ и здѣсь на этотъ предметъ назначается одинаковое количество учебнаго времени, точно русскій и инородецъ одно и то же. Въ цѣлесообразности выраженной нами мѣры мы такъ же глубоко убѣждены какъ въ необходимости введенія русскаго языка въ римско-католическое богослуженіе: это азбука нашей административной и національно-русской политики въ сѣверо-западномъ краѣ. Осуществленіе ея произведетъ гораздо большее вліяніе нежели частныя репрессивныя мѣры съ цѣлою вереницей исключеній, недоразумѣній и разныхъ законныхъ и беззаконныхъ обходовъ.

Отдай, богиня, мнѣ завѣтныя поля!
Отдай знакомый шумъ домашняго ручья!
Отдай мнѣ Лелію!...

взывалъ когда-то къ матери-природѣ восхищенный Тибуллъ.

„Отдайте западно-русскому краю его природныя права, его языкъ и сознаніе—его русской національности: онъ заслужилъ ихъ вѣковыми страданіями и борьбой за сохраненіе своего русскаго знамени, русской старины въ уцѣлѣвшихъ до сихъ поръ памятникахъ и русскаго чувства, бьющагося и теперь въ его сердцѣ", взываютъ къ общей матери-Руси ея многочисленные западно-русскіе сыны.

Редакторъ, Протоіерей Іоаннъ Котовичъ

Дозволено цензурою. Цензоръ, Протоіерей *Петръ Левицкій*.

Печатано въ Типографіи Виленскаго Губернскаго Правленія. г. Вильна. Ивановская у. № д. 11. 1885 г.